

Ари Хёствени СПРОСИ ПРИЗРАКА

16+

Ари Хёственн Спроси призрака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56875621

SelfPub; 2022

Аннотация

Сквозь ночной сад ведьма пробирается к горящим окнам уютного английского особняка. Движимая жаждой мести, она взывает к тёмным силам в мольбе покарать женщину. Она и не предполагает, что её главным препятствием на пути станет 14-летняя девочка, увлекающаяся психологией, – Элли. Сумеет ли её цепкий ум разобраться в хитросплетениях прошлого до того, как темнота заберёт кого-то из близких, или же в одиночку это окажется ей не под силу?... Мари, ощущающая призраков, Анна, давно впавшая в глухую депрессию, и остальные герои могут утаивать от других, или даже от самих себя, далеко не один роковой секрет, грозящий трещинами тонкой грани между детским и взрослым миром. А может, вы сами ухитритесь разгадать причины бед этой семьи?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	55
Глава 5	80
Глава 6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ари Хёственн

Спроси призрака

Нет ничего более волнующего для призрака, чем вспомнить, как именно смерть прервала его жизнь.

Пролог

По померкшему вместе с закатом саду, давно не выдававшему человеческой заботы, ветер разносил скрипучий шёпот. Пересохшие напряжённые губы твердили стальные призывы к неведомым силам – и те будто подвывали в ответ сквозь трепетавшие на ветру листья боярышника и бузины.

Свеча не раз грозилась потухнуть, но всё же каким-то чудом выдержала раздышавшиеся не на шутку сумерки, и её суетливый огонёк гладкими бликами бегал по особому изображению, на которое губы читали тёмный заговор, доходя до жгучего экстаза и захлёбываясь ветром, а сизые пальцы старательно выводили в воздухе известные только ведьмам знаки. Казалось, даже птицы, с интересом и опаской выглядывавшие из тенистых крон деревьев, учуяли жжёный запах мести и беспокойно вертелись взад-вперёд.

Закончив читать, губы обмякли, а чуть позже обратились к беспросветному небу уже слабым «человеческим» голосом: «Эх... почему же сроки Твоего суда и нашего века так разнятся? Ведь Ты ведаешь, как нетерпеливы рабы Твои, как густы и живучи в нас сомнения, – так зачем же творишь судбище там, где глаза наши не зрят? Зачем соблазняешь самих убедиться, что Ты не проглядишь, что покараешь грехи?..»

Огонёк свечи подкрался к изображению – бумага схватилась, сгибаясь в смоляной комок и опадая пепельными пе-

рьями. Остатки были брошены в траву и нещадно растоптаны.

«Но теперь, – послышался вдохновлённый шёпот, – путь будет расчищен, и справедливость вскорости найдёт сюда дорогу!»

Глава 1

В небольшую, но тщательно прибранную комнатку через расшторенное окно хлынул утренний свет. Анна кормила дочь с ложечки и говорила будто в никуда, хотя обе служанки находились в комнате:

– Как же это тяжело – вспоминать себя или видеть других детей: как они бросаются в новый поток жизни с каждым годом! Кто-то погружён в занятия музыкой, кому-то будоражат кровь конные прогулки или нечастый пленэр, поедающий время до самого ужина... А моя бедная Лили всё так же лежит без движения. Слышит ли она меня, осознаёт ли? А может быть, так и застряла в детском возрасте? – Слёзы начали наворачиваться на усталые и опухшие глаза. – Уже неделя миновала с её совершеннолетия, а она только пальчиком движет при радости и при хмурости да глазами водит без искры понимания. Говорят, не вкусив горького, не узнаешь и сладкого. Да только где оно, это сладкое-то? Ох, тяжко!

Она снова поднесла ко рту дочери ложку с кашей и словно застыла, уставившись в одну точку. По едва подсохшим уголкам глаз снова побежали слёзы. Падали они и в ложку – старинную, с отделанным под рычащего льва черенком. Такие предметы несомненно приводят в восторг детей, ими гордятся в домах выше средней руки, их передают из поколения в поколение, вертят как бы невзначай перед гостями, а потом

аккуратно чистят и прячут в специально отведённое место. Падали слёзы и на чопорно накрахмаленный, выбеленный до слепоты подол туго сшитого добротного матово-бордового платья. Каша капнула на салфетку, и Анна, очнувшись от дрожания руки, положила небольшую порцию в рот Лили. Та время от времени широко и отстранённо хлопала голубыми, остывшими глазами.

Бетти, ничуть не смутившись, взяла из рук Анны ложку и передала кухарке Филиппе, а сама подошла к хозяйке с другой стороны, приобняла её и незаметно положила ладонь на тыльную сторону шеи Анны. Та мгновенно обмякла лицом.

– Да, Бетти, успокой меня, как умеешь только ты. Успокой поскорее. – Голос Анны уже начал дрожать – было видно, что силы её на пределе.

– Перестаньте, миссис Пёрк, придите в себя! Никто не виноват – видимо, так судьбе угодно. Не плачьте. Дочка ваша в хорошем расположении духа – ведь сегодня даже солнце сквозь тучи нет-нет да и выглядывает. Успокойтесь, миссис Пёрк, будет вам, успокойтесь! – И Бетти начала степенно гладить Анну по тщательно уложенным волосам.

Филиппа тем временем вытерла Лили рот, забрала поднос со столовыми приборами, отнесла его в кухню и вскоре вернулась. Хозяйка всё чаще пребывала в подавленном настроении, хотя и противоречила сама себе: с одной стороны, если она долго не видела дочку, то начинала волноваться, а с другой – ещё больше впадала в уныние при виде беспомощной,

безнадёжно больной девушки. Поэтому сама не всегда могла спускаться к приёму пищи вниз, в столовую, и приказывала служанками привезти дочь к ней, чтобы «побеседовать» наедине. Тогда, кряхтя и подпирая с двух сторон инвалидную коляску (что было явно не лёгкой затеей), Бетти и Филиппа затаскивали её наверх, к хозяйке, ведь комната бедняжки Лили находилась на первом этаже.

Анна рассказывала дочери обо всём: о погоде, вплоть до описания ветерка, колышущего воду старинного фонтана перед домом, о своих мыслях и мечтах, о прошедшем обеде, о тканях, из которых часто заказывала обновки, и бог знает о чём ещё. А после представляла, как дочка отвечает ей выдуманным голосом и интонацией, и так «заслушивалась ответом», что могла провести несколько минут в полном молчании.

Вошла Филиппа и, не говоря ни слова, покатила коляску из комнаты к лестнице. Она знала, что хозяйка попросту не заметит этого, просиживая с Бетти около часа кряду. Спускать Лили кухарку не затрудняло: к стене с другой стороны от перил была приделана специальная рея, по пазам повторявшая приспособление с правого бока инвалидного кресла, и при попадании штифта в желоб коляска сама легко скользила вниз. Филиппе нужно было просто придерживать её, чтобы та не катилась быстрее, чем спускалась прислуга.

Анна проплакала около часа, как все и предполагали.

На втором этаже на подоконнике своей комнаты сидела вторая дочка Анны – Элли. Ей было четырнадцать. Зеленоватые глаза выделялись на фоне тёмно-русых волос, а слегка вздёрнутый носик увенчивался любящим размышлять лбом. Она уже привыкла к такому поведению матери и занимала всё своё время раздумьями. В данный момент девушка всматривалась в соседний дом – старый, покосившийся, покрытый пылью и грязью, – и думала: неужели у её матери хватает совести сдать или продать его постояльцам?

«Руину» уже не раз приезжали смотреть. Правда, некоторые сразу же разворачивались, не входя в дом, другие доходили до второго этажа, а самые стойкие оставались на ночь. Но, убедившись, что справиться с запустением им не под силу, сбегали с утра, оставляя Филиппе ключи у входа для прислуги, чтобы не оправдываться перед хозяйкой за её же недостатки.

Анна же принципиально никого не нанимала, чтобы отмыть особняк, выглядевший не как раритет, а как своего рода шедевр, для неискущённого взгляда перешедший в статус рухляди. Бетти и Филиппа, естественно, от непосильного предприятия также отказались.

Элли обычно сидела так около часа. Ведь на кухне не найдёшь с кем поговорить или о чём послушать, а уж в комнате матери... У девочки не было никакого желания смотреть на разрывавшие душу слёзы.

В силу возраста ей не хватало приключений, и, при определённой доле одиночества, даже «своего» места для тайн. Руина подходила на эту роль как нельзя лучше, и сегодня девочка решила освоить новые горизонты. Где находятся ключи, она знала, поскольку проводила кучу времени с Филиппой, своей няней.

«До обеда управлюсь», – мелькнуло у Элли в голове, и она помчалась вниз.

После обеда обычно наступали бесконечно-долгие часы обучения на дому, а учили её как за двоих: фортепиано, стихи, языки, риторика – всего не перечтёшь. Однако настоящей страстью девочки было нечто другое. Но об этом позже.

Опустим подробности кражи ключей, пробежки через сад и прочих авантюры. Мир в такие моменты как бы сгущается в одну точку, и подростки, не видя ничего, кроме адреналина и сочного интереса к неизведанному, боясь быть пойманными, бросаются в пучину чувств. Элли пока не отдавала себе отчёт в том, почему боялась без спроса проникнуть в тот запечатанный «чулан», но была уже у двери.

Ничего удивительного в заброшенных домах нет. Грязь-пыль-паутина – вот и весь сказ. Побродив по скрипящим доскам и обнаружив, что все двери запёрты, Элли заметно

расстроилась. Принялась рассматривать картины или, скорее, пыталась догадаться, что же на них изображено, – ведь под серым слоем композицию разобрать было сложно, а краски и вовсе были какими-то чёрно-белыми.

Особый интерес у девочки вызвали фотографии, стоявшие на столе в гостиной. Чем-то притягательно-тайным веяло от них, хотя на первый взгляд казалось, на них была запечатлена обычная семья: супружеская пара с малюткой на руках, естественные улыбки, гордый муж, обнимающий жену за плечо будто бы с её позволения, специально подобранный фон.

«Так, начну думать, – решила Элли. – Если его рука положена не на талию, а на плечо, но есть искра в глазах – значит, волю ему возлюбленная давала, но лишь в особом статусе, нужном ей: муж-защитник, но она – главная по сути и определяет галс корабля. Всегда один позволяет любить. А иначе получается, что его это устраивало, или даже было его целью: ответственность не в мелочах (оставлять это жене – пусть думает, что сама правит бал), а в целом. И надёжный отец, и муж, и близкий понимающий друг, и жилетка... Так... Теперь дитя...»

И вдруг что-то смутное, едва уловимое увлекло её мысль так далеко, что остались только ощущения. Нечто знакомое и одновременно незнакомое волнами забегало по груди. Пытаясь понять причину резко забившегося сердца, Элли перевела взгляд в окно и увидела Филиппу, выходящую на тро-

пинку к Руине (прозвище покосившегося особняка уже укоренилось в голове девушки). Как обычно, что-то напевая и тараторя сама с собой, она пуще нужного размахивала при ходьбе руками – наверное, для показной торопливости. Она вытерла ладони о подол и обшарила карманы, ругаясь на себя за то, что, по-видимому, в прошлый раз забыла ключ в самой Руине.

Это нисколько не напугало Элли: она прекрасно знала все пути отступления обратно к дому. Ключ девочка оставила в коридоре – предположительно там, где его «забыли» до этого (если судить по ворчанию самой кухарки), и вскоре была уже у заднего входа, рядом с родной кухней. Лишь вопрос о намерениях Филиппы не давал девочке покоя: «Давненько я не видела, чтобы кто-то из нашего дома ходил туда».

* * *

«Странно: на плите всё уже шипит и бурлит для будущего обеда, а Филиппы нет».

Засмотревшись на кипевшие бобы, то всплывавшие, то, напротив, медленно тонувшие в толще густой пузырившейся буро-коричневой подливки, Элли снова оживила в памяти изображение младенца с фотографии. Неуловимые вспышки воспоминаний и черт, перепутанных с образами из много-

численных прочитанных книг, продолжали всплывать и исчезать перед ней...

– Птичка моя, ты опять уже здесь! Помогать пришла или просто в своём любимом кресле опять романы глотать собралась вместо чая? – как обычно, с нежностью произнесла Филиппа, вернувшись в кухню. Ласковый голос няни, знакомый с детства, всегда ассоциировался у Элли с тающим на солнце пирогом, и теплота разливалась до самых кончиков пальцев и пяток.

– Нет, сегодня чай, Липпи.

Элли села, как будто готовясь опять спросить о чём-то интересном, а потом слушать, слушать и слушать свою бывшую няню, а ныне – следящую за чистотой особняка кухарку (хотя, как известно, бывших нянь не бывает). Дети же с годами приобретают известную особенность: переспрашивать давно знакомые вещи, чтобы посмотреть на них с нового угла или разузнать скрытые до сего подробности, если взрослые решат, что ребёнку пришло время начать понимать мир так, как они.

– Расскажи что-нибудь о папе.

– Ладно, Птичка моя, попробую припомнить. Я же говорила: ты совсем мала была – год-два, – когда он ушёл. Болел он долго, но по нём и не сказать было – так любил он вас с Лили. Бывало, заберёшься к нему на колени, встанешь на живот и ручками к его лицу тянешься, а я и говорю: «Ну что, Птичка, старенький у тебя папа? Как Липпи твоя?» Ты давай

смотреть на мои морщины, а потом повернёшься к папе. А мистер Джек – как он приучил меня называть его для юмора – к тому часу уже приготовил нахмуренный лоб. Ты глазёнки как вытарацишь – и давай ему ладошками морщины разглаживать! Мы с ним держимся, чтоб со смеху не покатиться. Я первая не выдержу, и ты на меня опять глазёнки – раз! Папа свой лоб расправит, целует тебя, чтоб ты рассмотреть ничего не могла. А ты-то его отталкиваешь: лоб посмотреть. Глядь – а там всё гладко! Тут и он как покатится от твоего личика, сбитого с толку! – Филиппа звонко и заразительно рассмеялась, будто всё, о чём она рассказывала, происходило перед её глазами в настоящий момент.

Птичка тоже мечтательно улыбнулась, смотря, как и няня, на пустые сейчас стулья – видимо, свидетелей тех событий.

Элли попыталась представить Филиппу в то время, но не смогла, и потому взяла тот образ, который сейчас видела перед собой. И не ошиблась – ведь няня до сих пор оставалась такой же пухленькой веселушкой с широкой душой. Для девочки с момента, как она её помнит, Липпи не менялась – менялись лишь её ветхие, но крепкие, всегда чистые и чередующиеся, даже при пролитии на них хоть одной видимой капли, халаты да платья (если можно было зрительно в них найти отличия). Те же две косы, забранные назад (как у королев и знатных дам, изображённых на картинах), пришпиленные булавкой и кусочком вышивки, издалека напоминавшей красно-жёлтый цветок, подходивший под румяные ску-

лы; те же сдобные груди, подвязанные платками и фартуками, которые медленно перемежались с боку на бок при её неуклюжей походке; те же народные английские песенки слышались за приготовлением обедов, когда не с кем было поделиться маленькими радостями и изъясными касательно погоды или пресловутых блюд; тот же деревенский акцент, из-за которого Анна просила её хранить тишину при знатных гостях или посылать при надобности Бетти; тот же безобидный юмор. Да и вообще, при её приземистой, коренастой фигуре, звонком голоске и открытом выражении лица дамой Филиппу можно было назвать не иначе как красноречивой и живописной.

Посему не нравиться мужчинам она не могла. Свадьба, дети, семья ещё в начале двадцатого столетия. Затем миновало немало лет – дети выросли, а терпеть пьяные похождения мужа она более не собиралась и ушла. Свой материнский опыт она применила отлично – это было видно по Элли.

Вообще, иногда кажется, что Бог всех нянь вылепливает по специальным формам, которые они сами и используют для приготовления ванильного печенья и воздушных пудингов с душистой пудрой.

Трудолюбивые руки ловко перемешали пузырившиеся бобы и суп, в шкафу снизили жар для запеканки, протёрли пыль, которая и так боялась этого дома как огня. А уютный голос продолжал на ходу:

– Маме твоей, миссис Пёрк, было тяжело. Весь дух на её

муже только и держался. Щедрый он был человек. Не только деньгами, но и словом подбодрить, улыбкой; шутки его и розыгрыши разгоняли грусть в доме. При нём хозяйка не была такой мрачной, как сейчас. Случалось, конечно, и всплакнёт, но мимолётно как-то было, не постоянно. Теперь этот груз – вытаскивать другого человека из чулана тоски – на Бетти пал. Представляю, как нелегко ей боль материнскую глушить, когда и сама-то бездетная! И так целыми днями... Да что уж – годами! Если бы не таблетки, врачом рекомендованные, то совсем сладу бы не было с миссис! Зато хоть утром да вечером она спокойна и спит подольше.

Я пусть и дура бестолковая, но скажу тебе, Птичка: не обижайся на неё. А то, говорят, кому мало внимания в детские лета было, злыми вырастают. Но я-то уж знаю, какая ты у меня расхорошенькая и всё понимаешь уже! Или скоро поймёшь. Вишь, как года-то прошмыгнули, – и счёту нет! Думаешь иной раз так о собственной жизни, а потом как припомнишь, что года-то – они общие для всех, – и аж не по себе! И ты вон уж какая рослая не по возрасту стала.

Тут Филиппа замолчала и как-то посмурнела. Но потом медленно, зычно выдохнула, будто выдув все залетевшие ненароком мысли.

В этот момент вошла Бетти – усталая, бледная. Она улыбнулась Элли с непринуждённым видом и сказала уже бодро: – Ну что? Вижу, всё уже почти готово. Элли, теперь заправляй нужные блюда, как Филиппа тебя учила, – всё необ-

ходимо доделывать до конца. – И она села в дальнем углу кухни перевести дух.

Птичка открыла шкафчик с приправами и специями и по памяти разложила их в разные кастрюли. Неподписанные баночки (Липпи называла их тайными соусами, но, как опытная хозяйка, никогда не сбивалась ими с толку, ибо отчётливо хранила в памяти по местоположению; а забудет – руки сами всё сделают) она ещё путала, поэтому няня сама доложила остальное.

– Куда сегодня твой знаменитый безвкусный соус кладём? – вопрошала Элли, ведь по запаху для неё баночки почти не отличались. Но, как говорится, кухарке – снедь, а человеку высшего ума – хоть читать надо уметь. Каждому своё место, в общем.

– Сегодня в запеканку, Птичка моя. Давай половчее, поживее – не развешивай особо-то уши тут, а то мигом пропахнут сдобами да мясными приятностями, потом от женихов вообще не отобьёшься! А меня на помощь не кличь – дел сегодня немало. Наверное... – Филиппа подозрительно покосилась на Бетти.

Та размашисто кивнула и улыбнулась. Соусы были распределены нужным образом, и вскоре послышался дружный стук ложек о тарелки.

Из-за Бетти Элли повременила с вопросом о Руине и Филиппином визите туда. А потом и вовсе решила, что тайны покоряются тому, кто их ищет, и что вскоре она сама их раз-

гадет.

Глава 2

Нежаркое, запоздалое, зачем-то вернувшееся ненадолго лето, теперь обязанное зваться бабьим, было прекрасным, но Элли видела его только через окно. Вот и учитель уже приближался к двери – его можно было запросто узнать по шаркающей походке – неторопливой, разжёванной. Но то, что он всегда останавливался, прежде чем войти, наводило на мысль о серьёзности подхода к обучению. Будто он полностью окунался в некий творческий порыв, чтобы поскорее разделить с учеником упоение музыкой, чувствовать её каждым позвонком, испить до ноты на фортепьяно, а не просто суровостью погрузить в мёртвость теории.

Научение взяло старт. Вокализы не были близки сердцу Элли, но она стойко их переносила, пытаясь найти удовольствие в руладах учителя, когда он правил её. Время делилось на половины: пение и собственно музыка. Первые полтора часа так истощали девочку, словно она опять брала уроки верховой езды, от которой отказались ещё год назад, когда лошадь понесла. Другие же, мелькая, проскакивали, как томики исторических романов перед сном. Но сегодня вечером наступал час, когда собирались в зале с моргающими подсвечниками, как любила Анна. И дата эта случалась далеко не каждый день – чтоб не наскучить, – а в праздники или при особой тоске миссис Пёрк, дабы той хоть как-то можно

было отвлекаться. Там Элли и собиралась гордо отрекомендовать новую сонату, которая за постоянными повторами чуть ли не казалась сочинённой ею самой.

Убедившись в ритме и эмоциональности произведения и прослушав правки учителя, на сегодня она распрощалась с ним и тут же помчалась в сад навстречу бабьему лету и последним цветам.

Времени до так называемого «званного вечера» членов семьи оставалось немного, минут двадцать – три-четыре сонаты (как мерила она в голове). Поэтому Элли сразу поспешила в свой уединённый любимый уголок, запрятанный в середине небольшого лабиринта из кустов гортензии. Там было всё, нужное для наслаждения мыслью и природой-вдохновительницей: главное – скамья, при относительно открытой взгляду территории увидеть сидящего на ней не представлялось возможным, кроме его зонтика от солнца при наличии такового; подлокотники для маленьких альбомов с секретиками и блокнотов, наподобие того, которым пользовалась Бетти для хранения списков будущих блюд и домашних хлопот; чудный вид на садовые деревья и, если приподняться, на прячущийся вдалеке за большими ивами пруд. Была также мягкая трава для босых ног и, конечно же, пышные ароматные бутоны, вечно чем-нибудь жужжащие и стрекочащие.

Это место разлеглось с торца здания, куда выходило только одно окно. Оно находилось в комнате Мари. Об этой де-

вушке не принято было говорить с тех пор, как Анна привезла её и поселила в дальнем крыле дома, чтоб никто не беспокоил её хрупкий покой. Элли была тогда совсем мала и ничего о том не помнила, да и ребёнка никто не хотел травмировать. От Филиппы она знала только о каких-то двух трагедиях и о том, что Анна спасла девочку от самоубийства.

Окно было, как всегда, задёрнуто. То ли из-за странностей самой Мари, то ли фасадное окно комнаты, которое тоже имелось в её каморке, прельщало бóльшими просторами и глубокими видами.

В любом случае, у Элли сложилось к ней довольно тёплое отношение, несмотря на необычную замкнутость. Она взглянула вверх – вдруг на сей раз и Мари любит цветущими зарослями разноцветных шапок?

Нет, никого.

Девушка поторопилась вперёд и у самого поворота к любимой скамейке вскрикнула, хотя всегда была довольно собранной (даже при неожиданных бесшумных появлениях Бетти не более чем замирала на мгновение, но не выдав и звука).

Сидевшая там Мари и бровью не повела. Всё будто смотрела в пустоту, прислушиваясь к чему-то неведомому для других, но по напряжённым скулам и уголкам глаз Элли поняла: не очень успешно.

– Я словно чувствовала, что ты придёшь, – отстранённо и еле слышно проговорила девушка.

Сначала показалось, что она обращалась к невидимому гостю, но потом села вполоборота и устало улыбнулась.

Птичка удивилась довольно светлому, а не пасмурному, как обычно, выражению лица. А сторонний наблюдатель и вовсе бы влюбился, пусть и на несколько минут: солнце выгодно скользило вверх-вниз по белокурым волосам отражающимися волнами при набегах ловкого ветерка; осунувшиеся щёки не могли скрыть её естественной красоты – скорее подчёркивали тонкость натуры и скромность. Лет на взгляд казалось около двадцати, а в глазах, в которых будто не по годам очень давно поселились без спроса секреты, отливало то ли сиренево-зелёным, то ли синевой нависшего неба – на свету было не понять. Тонкие руки с такими же пальцами плавностью подчёркивали извивы нежных доверчивых бровей. Голубое матовое платье вкуче с разноцветным окружением сада заиграло по-новому, а для Элли будто заиграло «ля» второй октавы, что так успокаивало её изнутри.

Поздоровавшись, угнездившись рядышком, девушки принялись молча рассматривать знакомую, но всегда неповторимую красоту дышавшей рощицы.

Элли боковым зрением заметила, что её молчаливая подруга водила пальцами по какому-то изображению, напоминавшему фигурную карту.

– Это валет или король? – Птичка испугалась, что её голос прозвучал слишком громко в тишине безбрежных раздумий Мари, но та ответила.

– Это паж. Это другое... из других колод. Здесь таких не найти.

– А что за колоды есть такие, каких у нас не достать? Мы же не в глуши дикой живём?

Но Мари будто и не слышала вопросов.

– Этот, например, трефовый с тобой у меня в голове сочетается. Ты полна огня, не можешь положения вещей принять как есть – всё норовишь открыть, переменить, переставить в свой порядок. Он-то мне и подсказал, что ты придёшь, – вот я тебя и ждала. Ты приятный собеседник: любишь молчать, как я. Но иногда молчать невыносимо и хочется говорить. Вот я и говорила с пчелой у цветка. Всё спрашивала, что она знает о лепестках. А потом вдруг сама ошеломилась: а я-то что знаю?! Теперь грустно мне – ведь ничего я не знаю.

Она выбросила из другой ладони смятые лепестки.

– А кто что вообще знает о ...

Дальше Элли не вслушивалась, а пыталась понять суть собеседницы, и попробовала испытать судьбу снова.

– А что под этим самым пажом? Там ещё уголки карт выглядывают.

Элли заметила также красивую рубашку карт: красный щит с двумя белыми полумесяцами.

– Здесь остальные. – Она раздвинула всех. – Но один исчез. Нет одного. Просто нет, и всё.

– Где же он мог остаться?

– А мне он не нужен. Я его потеряла и не искала больше.

А может, и не было его вовсе. Мне всего три карты нужны – вот я их и ношу всегда с собой в особом шёлковом кошельке.

Она аккуратно подняла его левой рукой из-за колена, поддержала дольше обычной паузы в воздухе, не изменяя его положения, и тем же движением положила обратно.

– А чем же он такой особенный, твой мешочек, Мари?

– Он мне дорог. Лучше сказать – моему сердцу, чем мне. И не он сам по себе, а три пажа – они мне дороги, – подытожила она.

– Расскажи мне об остальных: с кем они идут у тебя в голове... или в сердце?

– О, если б я могла помнить... – Здесь она вздохнула. – Я помню их только, когда с ними говорю. Но это так редко, поэтому я просто люблю смотреть на их карточки, гладить и чувствовать, что они рядом. И как-то сразу с настроением дышу.

– Кто же есть червонный паж?

– Я думаю, моя сестричка. – Тут губы у Мари задрожали. – Моя мама, Мэгги, потеряла её: она родилась мёртвой или умерла сразу при рождении – я не помню, я была очень маленькой. А потом и мама умерла. Они с тётёй Анной были такими близкими подругами. Я помню её с самого детства, и она меня. Я не могла без мамы... я как будто всё ещё жду её письма... Может, хоть во сне весточка какая подвернётся...

Мне было лет пять, или около того, когда я видела её в последний раз. Я и так часто бывала у вас дома, а после траге-

дии Анна забрала меня насовсем в знак дружбы к неразлучной подруге. Я помогала как могла Филиппе с тобой – ведь множество сил уходило на уход за Лили.

– А кто третий, Мари, на карте с мечами?

– Я не знаю... он просто приходит и молчит.

– Куда приходит?

– Ко мне.

– Я никого не видела ни в доме, ни рядом.

– Я тоже не вижу – лишь чувствую.

Элли решила закончить непонятную беседу, а Мари продолжила:

– Не знаю, сколько ей сейчас лет, но, наверное, она уже повзрослела, хоть призраки вроде так не могут.

– Кто? – Элли подумала, что теряет не только нить разговора, но и свой бедный разум.

– Моя сестра. Я же говорила: я её иногда слышу.

Элли показалось, что девушка сейчас заплачет, и она потянулась взять Мари за руку, но, увидев, что лицо той напряглось, сделала вид, что гладила цветы, и отпрянула.

Но Мари внезапно, в ужасе, вытягивая дрожащие руки, посмотрела пронзительно в глаза Элли, доставая до самых глубин... неожиданно сама бросилась навстречу и крепко-крепко прижалась к плечу.

– Элли! Ты не понимаешь... Я здесь чужая! Чужая! – трясясь всем телом, сдавленно закричала Мари.

Девушки обнялись ещё сильнее и просидели беззвучно

несколько минут.

Элли боялась отпускать Мари, и неизвестно, сколько бы ещё прошло времени, если бы не пронзительный голос Филиппы, зовущий Птичку помочь в кухне.

Глава 3

На кухне витал пряный, насыщенный аромат. Главный красавец-пирог оставался пропитываться яблочно-лимонным кремом; пулярка, истомившаяся до готовности, была обмазана соусом и помещена обратно в шкаф для приобретения хрустящей корочки; уже подоспевал и гарнир.

– Где пропадала, Птичка? Опять замечталась, напевая вместе с дроздами, а про бранный мир наш с запечённой фаршированной курочкой и забыла?

– Мечты, Липпи, – для детей; а петь я не очень люблю, я тебе сто раз повторяла. Я была с Мари.

– Вот и новость хорошая наконец-то заблудилась в седине моей! Значит, мисс не устояла перед осенним солнышком и всё-таки выбралась из своей тёмной комнаты цветочками развлечься?

– Значит. Но весёлой я бы её не спешила называть...

Элли не договорила: Бетти вбежала на кухню.

– Филиппа, зал я подготовила: свечи на местах, стол я передвинула, занавески, приборы, ноты Элли – всё готово. Что с ужином?

– Не волнуйся, мы скоро управимся. Пара последних штрихов – и вкусотище-натюрморт будет dokonчен: хоть в музей неси всем на радость – со скатертью умяли бы! – хохотнула кухарка, умеренно громко при Бетти.

– Мари была совсем грустна, – делилась Элли. – Она рассказала о смерти сестрёнки и матери. Едва сдержалась, чтобы не заплакать.

– Заплакала?! – удивились женщины вместе, а Бетти продолжила: – Это очень странно.

– Почему же, Бетти?

– Никто не видел, чтобы Мари когда-нибудь плакала. Она как будто не может этого.

– Да, – подхватила кухарка, – не умеет, что ли.

– Я пыталась успокоить её как могла, позвала на совместный ужин, и в знак благодарности она согласилась, – добавила Птичка.

Женщины переглянулись. Липпи чуть-чуть замедлила движения, как бы что-то обдумывая, а у Бетти напряглись скулы.

– Бедная девочка! – первая всколыхнула тишину няня. – Столько лет позади, а воспоминания и не собираются покидать её голову. Много, много перенесла в детстве, и сейчас несладко. Ох уж и судьба! Кому такой пожелаешь? Помню ещё малышкой её: глазёнки чистые, ясные, как весенний месяц. Живая, прыткая, шмыгает туда-сюда по саду, щебечет с кем-то, словно в прятки играет.

– Не преувеличивай, Филиппа, – сказала Бетти, пристально следя за реакцией Птички, которая с явным интересом ловила каждое слово, – при ней первый раз ведь речь зашла о жизни Мари без обиняков. – Ей лет шесть-семь уже было,

как ты переступила порог этого дома работать няней Элли. Да, тогда твою Птичку и удочерили. Но по мне, Мари уже в то время начала замыкаться в себе. Уже года четыре минуло с трагедии Мэгги – сестричку для своей дочери она потеряла. А когда мать становится смурна и задумчива, тогда и дети, очевидно, перенимают их состояние. Я слышала не раз, как подруга с Анной делилась ужасными мыслями о будущем: жить она не хотела, а Мари могла краем уха уловить об этом. Подсознательно и маму, возможно, боялась потерять. Чувствовала она, что мама о мёртвом младенце всё больше думала, а не о живом. Жила как чужая.

А потом и вовсе горе – смерть и Мэгги не пощадила. Слишком уж она себя износила страданиями, как миссис Пёрк рассказывала: бледная вся стала, худая. А потом общество какое-то в то время стало чрезвычайно популярным. Спиритическое, что ли, называется. Хотела она любыми способами связь не терять со своей второй дочкой, а в обществе том, ходят толки, такое творят, что те, кто умер, приходят к ним и вещают через «проводника».

– Какого «проводника»? – не уловила няня.

– Медиум. Человек-проводник. То есть тот, кто призраков в себя приглашает. Ну, как Мари наша производит сеансы – как у них это зовётся. Думается мне, она у Мэгги насмотрелась этого всего, и... то ли чтоб на мать больше походить, то ли на самом деле обе они способность ту имели, а может, по книгам нашла себе отдушину в горе своём, – и

принялась осваивать эту мудрёную науку сама. Да и теперь никто не мешает ей верить в то, что сестрёнка рядом с ней. Вроде как говорит она через Мари с нами, или мама её, но в любом случае сама она утверждает, что не помнит таких разговоров. Но сами моменты общения и близости дают ей силы жить дальше. После того, как осталась она сиротой...

– А где же её отец? – перебила Птичка.

– Так его вроде бы вовсе не было, – вмешалась Филиппа, чтобы быстрее дослушать рассказ Бетти. – Молод был, не до жены с детьми ему стало – и скрылся.

– Именно, – подтвердила вторая. – Так вот, как осталась она сиротой и стала с возрастом осознавать случившееся, лет эдак в десять, бедный ребёнок не выдержал и хотел с собой покончить. Напилась таблеток и чуть не отошла, если бы не твой крик.

Она посмотрела в сторону кухарки.

– Я помню, – подхватила та, – залетаю в ванную комнату, а там – и сказать страшно... Тут меня испуг и взял! Давай приводить её в чувство, а она – не духом... Но бог миловал. Насилу врача потом дождались, и дело пошло помаленьку в гору.

– С тех пор, – продолжила Бетти, – и твердит, что дар открылся, и другой мир ей вѣдом стал.

– Комнату себе выбирала сама: дальнюю, с бокового левого крыла, где раньше и останавливалась, когда Мэгги приезжала к миссис Пёрк погостить. Над комнатой твоего отца.

Только мистер Пёрк мог её рассмешить и вселить энтузиазм к прогулкам. А теперь комнатка та одна в том крыле жилая, чего она, видимо, и желала.

В правом крыле снизу жила Лили, прямо над ней – Анна; рядом с Анной ближе к центру особняка, почти над парадной дверью – Элли; там же, но на первом этаже – прислуга.

– Быть может, найдёте друг в друге чего родственного по душам, – добавила няня. – Глядишь – тучи над этим домом и разойдутся. Как говорится, горя напёешься – и счастья дождёшься... или, может, понедельник пришёл – дождик прошёл... так, что ль, Бетти?

– Нет сада без сорняков, – вскользь поправила её мажордом, глядя через окно в сад. – Ну да ладно, давайте накрывать в зале.

Бетти ходила из кухни в зал и обратно, переноса салатницы, соусники, тарелки, салфетки и остальное; няня с Птичкой переместили пулярку в гусятницу и с другими блюдами отправили к большому накрытому столу.

Продельвала Элли это отвлечённо, была снова в своих мыслях: «Слишком уж много мистики – надо бы хорошенько разобраться. Мари действительно близка мне, но смущает своей картиной мира: либо намеренно искажённой выдумкой, либо невинной запутанностью из-за непосильных проблем.

«Я словно чувствовала, что ты придёшь», «трефовый паж мне и подсказал, что ты придёшь», – что же это?

Я знаю, что тайное место в саду не видно никому: окна второго этажа смотрят на сад только мои (мамины выходят на другую сторону) и Мари. Я думаю, несложно даже при закрытом окне наблюдать через щель меж занавесками, и, при замкнутом образе жизни, она, как и я, наверно, подолгу может погружаться в рассмотрение пейзажей. И при всей этой монотонности не обратить внимания на меня, гуляющую по саду и сидящую длительно на любимой скамейке, довольно трудно.

Также при желании можно без труда запомнить, что свободна я в одно и то же время, и прийти туда раньше меня, чтобы удивить.

Но если она так хотела, то внимательно следила бы за моей реакцией, чего не было. Так... Как она подгадала время — ясно как день, но зачем она ждала меня?

Неужто просто ради поддержки посчитала меня теперь достаточно взрослой? Может, из-за замкнутости нашла такой необычный способ ближе подружиться или просто таким способом притягивает к себе внимание?...»

Вопросов снова становилось больше, чем ответов. Мысль дальше не шла, поэтому Элли дала себе передышку, погрузившись в атмосферу наступающего вечера, и представила, как играет свою подготовленную сонату. Настроение поднялось, а аппетит всё ближе подкрадывался к желудку от горячих густых овощных и мясных запахов, окутавших стол.

Время ужина пришло. Бетти отправилась за миссис Пёрк,

а Элли с няней – за сестрой.

* * *

Вечерняя поволока вылезла из-за картин, расстелилась по полу; пробежалась вдоль сада, приказав обитателям цветочных кустов угомониться и готовиться ко сну, а потом вытолкала наконец покорное солнце за горизонт.

Под последние блики угасающего дня Элли подкатила Лили к столу, лицом к ласковому рдяно-шафранному закату, и отправилась разжигать многочисленные свечи. Филиппа раскладывала по тарелкам кушанья, зная наизусть вкусы каждого, но оставляла свободное место на случай, если пожелают попробовать что-нибудь новое. Анна вошла в зал с прямо поднятой головой, но слабо опущенные плечи выдавали некую наигранность облика, за ней – Бетти, но уже со строго выдержанной осанкой и чётким, чеканным шагом.

Усевшись за стол, все приступили к трапезе: Бетти с Филиппой с одного края, и как бы с небольшим промежутком – мать с дочерьми. Через минуту дверь тихонько приоткрылась, и вошла Мари. Чуть заметно кивнула и приблизилась к своему месту рядом с Элли. Липпи хотела было открыть рот, чтобы, как обычно, подбодрить до сих пор застенчивую девушку, но Анна опередила её, просто сказав: «Присаживайся».

вайся скорее к нам, Мари», и сделала соответствующий жест рукой.

Птичка внимательно следила за мамой: глаза её были отстранённые, но вкус еды, казалось, удивил её и выиграл бой за довольное выражение лица, которое постепенно становилось расслабленным и в итоге налилось румянцем. Наслаждаясь белым мясом с подливной фасолью, она иногда искоса поглядывала на место у окна, освобождённое прислугой для бесед или танцев. По-видимому, представлялись ей сцены из прошлого. Некогда, при живом Джеке, большая гостиная была полна людей высшего света. Всё, как мечтала с детства Анна, как в романах: пышность атмосферы с шелестом платьев и голосами гостей, достаточно громкими, чтоб группа людей, стоящих в кругу, могла разбирать слова собеседника, а другая, поодаль, не уловила бы и темы разговора; мерное, успокаивающее баюканье фортепьяно под пальцами дочерей высокопоставленных знакомых мужа; треск камина, заполняющий паузы между вальсами; секретики с подружками на чём-то, подобном оттоманке; и всё дальше, дальше уносила Анна...

Элли помнила рассказы матери о молодости, об их с отцом встрече и принялась перекручивать всё в голове, как бы пытаясь слиться с матерью в эмоциях.

Папу-то она почти не помнила – в тридцать пять сделался с ним удар. Ей и двух лет не исполнилось, но яркие ощущения теплоты, как от Филиппы, успокаивали её. Она точ-

но знала, как сильно папа любил её, сердце так и заливалось восторгом от рассказов няни о нём, о прогулках, сказках на ночь. А потом вспомнилось и самое начало их семьи.

Отец её ещё молодым человеком отправился служить на долгих восемь лет. В то время для военных планов не строилось. Вернёшься ли, увидишь ли хоть глазком родную землю, поцелуешь ли дверь дома своего – кто знал? Война не щадит семьи, а одиночкам иногда больше выходит получить от неё благосклонности. Так вышло и с Джеком. Вернулся он уже умудрённым жизнью, сильным духом мужем, но не утравшим веры в жизнь. Повидав столько несправедливо забранных на тот свет, он хотел теперь давать жизнь, поддерживать её, тёплить в других, – вот и загорелся он семьёй.

Добрый случай свёл их с Анной – тогда молоденькой белокурой девушкой восемнадцати лет. Так хотелось ей тогда выдернуться из-под тяжёлого крыла родителей, а тут – статный служивый мужчина, напоминавший образ из её смелой мечты! Раздумывать было некогда: весёлый легкий нрав Анны быстро покорила Джека, ценившего простоту в людях и любившего к тому же порыбачить подальше от богатых, увесистых статусами мест, – и свадьба уж была на пороге.

Вскоре ему снова повезло: Анна легко вошла в роль женщины высшего общества, как и подобало семьям, глава которых вернулся с поля брани домой с немалым званием и грудью в регалиях. Соседям было за честь посещать приёмы мистера и миссис Пёрк. В общем и целом, так было принято,

потому на людях Джек крепился и носил свой статус по всем нормам, а жене и вовсе это было по душе после голодных и бедных лет в низшем сословии. Так она себя ставила, что никто и серёдкой не заподозрил её происхождения, что, по естественным причинам, скрывалось от других.

Ребёнок в Анне зародился скоро. Джек просто грезил им, разговаривал сквозь живот, будто тот был уже двух- или трёхгодовалый, и люлюкал его не переставая. Роды были тугими и тяжёлыми, врачи определили, что рожать Анне больше будет нельзя, а девочка Лили родилась крепкой и румяной, как калач из печи. Но ближе к году стала она необъяснимо хиреть.

Каждому понятно, как тяжело с больными детьми, да ещё такого рода! Всё больше уставала Анна, и всё больше ложилось забот на плечи Бетти. Плачевный результат был налицо (Элли с состраданием посмотрела на сестру: Анна привычно кормила её с ложки, а та поглядывала то на потолок, то в стол, следуя за движениями матери).

Это был настоящий удар для родителей. Джек держался как мог, а Анна быстро сломалась и впала в депрессию. Боясь за свой и мужа рассудок, спустя четыре года она предложила удочерить «нормальную» девочку, чтобы их мечты о полноценном семейном счастье претворились в жизнь. Он знал: с годами депрессия жены усиливалась, и таяли её лелеемые надежды на обучение Лили, повседневные сплетни дочек-матерей, совместные поездки в свет, по интересным

городам, на свадебные хлопоты и внуков, в конце концов, – всего и не сказать...

Джек задумался на время, но постепенно воспрянул, загорелся, как раньше, и дал согласие. Общественное положение мужа быстро продвигало дело – и вскоре одна брошенная родителями малышка обрела всё-таки семью.

Это и была Элли. Ей думалось, что чаяния родителей о дочери были столь сильны, что не только того же пола Анна взяла ребёнка, но и имя, возможно, выбрала схожее для продолжения судьбы Лили, – однако не обижалась, так как ей приставили няню Филиппу.

Она-то и дала многое «отнятое для Лили»: и приголубит, и в груди необъятной утопит так, что слёз уж на детском личике не сыскать потом было, и так займёт любопытными делами, что ребёнку и некогда натруженных взрослых замечать.

Но что хуже всего – мистер Пёрк успел только за хвост мечту ухватить, а оседлать так и не смог. Ослабленные на войне нервы постоянно давали о себе знать, а с «каменной» болезнью дочери и вовсе не отступали; да и вид жены всё туже напрягал ситуацию. Появление Элли дело не спасло.

Однажды не дозвались его к завтраку: Бетти обнаружила бездыханное тело в кабинете на кушетке с не выдержавшим сердцем.

Снова удар. Совсем ослабла нервами Анна после его ухода. Бетти приходилось успокаивать её почти всё время.

Неожиданный дождь, заставший в пути, уроненная вилка, из ниоткуда взявшаяся на лестнице «виноватая» ступенька – да, многое могло вывести из равновесия Анну и довести до слёз. Потому при ней даже Филиппа старалась держать язык за зубами и не раз думать прежде, чем открыть рот, хоть и не любила этого.

Воспоминания о беззаботных блестящих раутах давали внутренне отдохнуть Анне, и Пёрк по старой памяти продолжала их устраивать, но больше не с соседями, а в кругу семьи (хотя для поддержания веса и престижа в обществе это ещё нужно было делать время от времени, что Анне уже давалось с большим трудом). Так и сегодня: все обменялись фразами о вкусоности ужина, а миссис Пёрк уже доедала свою порцию, что приближало её к любимому моменту таких вечеров – к «светскости».

С ужином было покончено. Анна жестом приказала Бетти перевезти Лили к месту напротив фортепьяно, а сама устроилась в глубоком кресле. Мари садиться не стала, а, облокотившись о стену и скрестив руки, смотрела вполоборота на происходящее. Филиппа, увидев это и искоса поглядывая на Анну, по стеночке, довольно медленно приблизилась к свободному месту, словно кошка к отвлѐкшейся добыче, а потом будто разбрелась маслом по обоям, стекла вниз и снова превратилась в человека уже в кресле. При сѐм зрелище даже «железная» Бетти сдержанно улыбнулась, но тут же отвернулась, чтобы не мешать «успехам кухарки», и располо-

жилась с другой стороны хозяйки, держа коляску Лили.

Мрак съел вторую, не защищённую светом канделябров половину комнаты. Томящее ожидание повисло в воздухе.

Первый удар по клавишам – и все приподняли головы. Сперва жёсткая игра взяла верх, но вскоре привычка занялась руками, а Элли начала окрашивать ноты эмоциями. Невидимый поток заструился по комнате, соединяя порывы и настроения разных людей в один клубок. В такие моменты словно попадаешь в иную атмосферу, облако своих собственных переживаний, скорее даже ощущений. Они скользят по твоему уму, а в руки не даются – кружат мимолётными обрывками. И пока пытаешься их схватить, не видишь ничего вокруг, тонешь в себе всё глубже – и вот уже каждый звук теплотой отзывается внутри, переворачивает душу с боку на бок, вертит под всеми углами в потоке солнечного света.

Элли сидела боком, и когда заметила, что все погрузились в себя, стала поглядывать украдкой за лицами.

По щеке мамы скатилась слеза. Скорее всего, это снова было связано с Лили. Анна утёрла скулу, а Бетти, заметив это, погладила её по плечу и нагнулась к уху. По губам легко читалось: «Успокойтесь, всё хорошо, миссис Пёрк».

Сама Бетти хоть и задумалась о далёком, но всё же не теряла стержень – стояла, словно скала. Что скрывалось за стойким лицом, сказать было тяжело. Годы, проведённые в доме, наполненном горестями, опустили глубокими бороздами на лоб и губы, опередив на десятилетие время.

Являясь приблизительными ровесницами – управляющая хозяйством Бетти и миссис Пёрк, – они не могли бы показаться такими для неискущённого наблюдателя, к примеру, заглянувшего сейчас же в окно: одна пробивающаяся седина, одна сеточка у уголков глаз. Но более полная Анна казалась живее, с угнетённой искрой жизни внутри, но всё-таки с искрой; управляющая же смотрелась больше картонной: было в ней нечто деревянное и с такой облицовкой снаружи, что и предположить о внутреннем содержимом было не просто. Скорее всего, Бетти была не только управляющей хозяйством в доме, но и внутри себя навела порядок ничуть не хуже. Элли дивилась двум достоинствам в ней, обычно не встречающимся вместе: первое – это, конечно, хладнокровие в непредвиденных ситуациях эмоционального и материального характеров, плюс второе – умение эмпатически сострадать. Мнилось, будто она даже в сию минуту сильнее напрягала боковое зрение, следила, всё ли было в порядке с хозяйкой, а не позволяла себе расслабиться и отдохнуть под музыку.

Известно, что такие люди за их вездесущностью постепенно входят в положение, близкое родственному, чтоб остаться в нём навсегда. И действительно: свадьба Джека с Анной – новый член семьи, затем рождение Лили – новые тревоги и заботы, появление Элли и её няни Филиппы, за которой тоже нужен был глаз да глаз, – всё молча проходила Бетти, с выдержкой. Да такой, что каждый подсознательно знал: можно

было полностью на неё положиться. Слетела гардина – зовите Бетти, нагрянули гости – Бетти «из ничего» светский приём организует, слеза лишняя пробежалась по чьему-либо лицу – вот и платок Бетти вовремя подоспел. Всё как-то всегда «к месту» от неё было: и слово (когда нужно – жёсткое, а когда приятное); и движения – чёткие до боли, однозначные, точные; и шаг, и слог, и голос (подходивший для общения с повидавшим видом военным – Джеком), тут же могущий засмеяться и поддержать беседу.

Ведь даже Филиппа, побаивавшаяся Анну, при исполнительной Бетти лишь условно держала субординацию, да и ценила её более долгий стаж работы в этой семье и то, что она повидала до её прихода. Уважала она «стальную» Бетти как человека и жалела внутренне. Думала: тяжело ей без деток своих – вот она из металла и сделалась; или не будь она твёрже камня – не задержалась бы здесь, а может, сломалась бы тростинкою.

В общем, если брать выражение самой же Филиппы и назвать Элли Птичкой, то окружена она была крикливым трудолюбивым павлином и статной цаплей с ежовыми рукавицами.

Кстати, няня сидела слаженно. Она стала на время музыки будто целостной и умиротворённой. Но долго в ней это, естественно, не продлилось. Похоже, ей захотелось поделиться эмоциями, которые, всегда будучи слишком объёмными и цветными, легко переливались через край. Она повернулась

к Мари и «умеренно тихо» пересказывала всё, что слышала в самые красноречивые моменты нотных сплетений, а кончила тем, что рассказала ей о своём детстве и захвалила всю девушку с ног до головы.

Мари же «улетела в облака» ещё в начале рассказа. Вообще, она и теперь казалась сухой губкой из недоласканности и одиночества, и сколько бы Филиппа ни лила в неё влаги – всё равно не хватило бы.

Мелодия сменялась мелодией, вечер перетекал в разряд поздних.

Но вот вторая из трёх частей посиделок началась. Анна сама отправилась в библиотеку за разнородными, как и её настроение, стихами. Наверно, она не приказала это сделать няне, поскольку к тому времени обычно вживалась в прошлую роль хозяйки раута и показывала гостям себя как обходительную и с хорошим тоном.

Далее творческий поток полился поэтическими нотками. По логике, понятной только ей самой, Анна давала одни стихи читать Бетти, реже – Филиппе и Элли (Мари она не трогала), а напоследок вставала сама в центре освещения и декламировала объективно более изысканные вещи, будто показывая, что вкус у неё лучше. Никто не мешал ей так думать. Бетти слегка подыгрывала ей лицом, а для Филиппы стихи считались чем-то из мира высшего: если она хоть в четырёх строках улавливала рифмы вместе со смыслом, то полагала, что приобщилась, пусть и на миг, к людям светским, как го-

ворила хозяйка.

По интонации Анны стало понятно: она дочитала всё, что задумала.

Тут Мари нарушила свою мало изменившуюся за вечер позу и вышла вперёд.

– Я готова, – неожиданно звучно произнесла она, ни к кому не обращаясь.

– Хорошо, – ответила Анна и подошла со свечой к круглому столу и четырём стульям, до того скрытым в темноте. – Элли, дорогая, отвези сестру в комнату и уложи её спать, а потом и сама ложись.

Птичка наизусть уже выучила одну и ту же фразу мамы и покатила Лили из гостиной. Третью часть таких вечеров они никогда не видели, но сегодня у Элли были другие планы. Только выйдя в коридор, она резко ускорила шаг и управилась с сестрой уже за минуту. Пожелала ей спокойной ночи – и вот уже была снова у двери гостиной, с таинственным действием за ней.

Там уже слышался скрип старых стульев – все усаживались под бурчание кухарки.

– И меня опять сюда сажают, миссис! Ох, мне уже и так смерть два раза снилась, и собака страшная, как сова, и седина в два раза белее стала, а вы всё за своё! Я родилась людей кормить, а не за столами рассиживать. Жутко-то как, боже! Кричать вы запрещаете, а как не кричать – я ж ещё живая, я и вскрикнуть могу! Ой, что-то пятки у меня заломило

– душа, наверное, не помещается в них – ей же в сердечке хорошо было, пока вы опять все свечи не задули! А с одной слишком тёмно...

Дальше почему-то наступило молчание. Скрип прекратился. Удары пульса стали навязчиво громкими в висках Элли.

– А они меня не укусят? – снова заскулила няня.

– Не носи ерунду, – ответила Бетти. – Это тебе не кошки дворовые.

– А кто ж их знает? Может, явятся без настроения, может, их там плохо кормят, а мой локоть им под зубы подвернётся – и держись тогда чепец! А спросить потом-то и не с кого.

– Я здесь! Я здесь, чтобы говорить истину!

Элли даже не смогла понять, чей это голос.

– Здравствуй, – хором произнесли Анна и Бетти, а голос продолжал:

– Вы нашли его?

– Нет, мы не понимаем, о чём ты говоришь, – слабо отозвалась Анна.

– Сказано же вам: дьявол обитает там, где садится солнце. Найдите его – и тогда поймёте суть ваших несчастий, всё должно встать на свои места! Бойтесь, бойтесь жить во лжи!

Тут пискнула Филиппа, но, видимо, Анна шикнула на неё, и та затихла.

– Нет смысла тревожить живых без назначения. Вы хотели знать о причинах вашей доли, и ответ дан! Нельзя молчать!

Я прихожу, чтобы давать ответы.

Элли не совсем понимала, что происходит, но сердце утонуло ещё глубже. Она подумала: хорошо, что снаружи находилась, а то не хуже Филиппы закричала бы! Тут Анна произнесла:

– Есть ещё одно. Мы не до конца верим, что ты есть...

Это снова оказалось неожиданным для подслушивавшей девушки. Не раз же были эти сеансы – и зачем их проводить, если нет веры? Хотя точно она не знала до этого, что же происходило, когда они с сестрой оказывались в своих комнатах.

– Я докажу!

– Мы хотели бы узнать... ммм... где сейчас находятся ноты, по которым я училась играть много лет назад?

Элли удивилась находчивости мамы – что-то подобное спросила бы и она. Пауза была недолгой.

– Я не лгу. Зачем лжёте вы, живые? – Далее голос будто чеканил по слогам: – Ты никогда не училась играть, Анна! Играет Элли.

Даже через дверь девушке показалось, будто это было сказано прямо ей в ухо, и она вздрогнула, услышав своё имя.

– Извини. Это правильно... Тогда я хотела бы спросить: где письма моего Джека, что он присылал мне до нашей свадьбы?

Пауза стала ещё короче, а интонация росла вверх.

– Они у Амелии, в её комнате.

– Но... но это же ерунда! Её давно нет.

– Не лги мне! Они там!

– Если подумать, то и это правда, миссис, – шепнула Бетти, а дальше Элли не разобрала, но ей показалось, что мажордом шептала что-то уже в ухо Анне, которая затем промолвила:

– Значит, это действительно ты?

– Да!

– Бетти, – сказала приглушённо миссис Пёрк, будто повернула к ней голову.

– Хорошо, теперь я, – продолжила та. – Где находятся мои рисунки, что я рисовала в молодости?

– Они лежат под твоей кроватью. В позолоченной шкатулке, что тебе подарили Амелия и Артур.

– Господи, как же это? Откуда ты знаешь это?

– Я знаю!

Не было предела и удивлению Элли, и ужасу.

– Филиппа, твоя очередь, – снова передала эстафету хозяйка.

– У меня нет вопросов, уважаемый... – Тут няня долго подбирала слово, – уважаемый... Голос. Мне, вообще-то, нужно со стола прибирать и посуду мыть... Я ещё хотела серебро сегодня дочистить... А если останется время, то фартуки замочить на ночь... Или..

– Ладно, Филиппа, – перебила Анна. – Можешь не спрашивать.

– Ты вечная лгунья! – Голос стал намного громче и словно

двоём: тот же низкий, густой, но вместе с высокими нотками Мари.

– Думаю на сегодня достаточно... Можно расцепить руки.

Тут послышался звук отодвигающегося стула.

– Все захлебнутся скоро твоей ложью! Опомнись, пока есть время! Расплата близка!

Элли различила глухой удар, и тут же – вскрик Бетти и Анны.

– Опять, опять началось! – заверещала няня. – Держите, держите её!

Дальше слышны были разные вопли и шум борьбы.

Опасаясь, что могут резко открыть дверь, Элли бросилась в библиотеку, еле-еле переводя дух от всего упавшего в её подростковую голову. Мысли отказывались повиноваться.

* * *

Довольно скоро внимание девушки переключилось на объёмные, тяжёлые полки с книгами – всю её жизнь.

По разным рядам снизу вверх можно было проследить взросление и авантюры ума Птички: детские книжки ставили поближе к полу, под рост ребёнка, чтобы он мог сам дотягиваться и выбирать, что больше радует глаз; повыше шли приключения и античность; далее – романы и некоторые,

приблизительно осиленные научные выдержки; но самое дорогое её сердцу и натуре находилось в самом верхнем правом углу. Без стула достать нужную вещь было невозможно.

Девушка дотянулась до закутка с толстыми томами. Знакомый трепет предвкушения проскользнул по нервам, и она дотронулась до тома, обклеенного простой бумагой, – то ли чтобы никто не видел названия, то ли чтобы со временем не износилась настоящая обложка.

Книги здесь были пыльные, если это и не было вообще единственным недомытым местом в доме, ведь Филиппа благодаря своему росту могла дотянуться до всего остального. Тем более что внизу стоял грузный комод, как раз мешавший уборке дальнего уголка библиотеки: сверху тома были протёрты будто наскоро, а меж ними толстым слоем хранилась пыль.

Но это никак не смущало Элли – наоборот, ей нравилось подольше поухаживать за вожделенным пособием: отчистить, привести в порядок обложку, подобрать подходящую закладку, насладиться запахом страниц, возможно, даже из другого века. Книг было три – все обёрнутые бумагой, склеенной скотчем по внутренним уголкам. На каждой от руки поверх торца было просто написано: «I», «II», «III». Девушка достала последнюю – непочитанную – и поспешила к себе в спальню.

Спустя десять минут она уже отдышалась и сидела на любимом уютном местечке для чтения – подоконнике. Поза тоже не менялась годами: облокотившись на откос и поджав колени, она аккуратно расположила увесистый том на подоле платья. Глаза девушки поблёскивали неподдельным любопытством и пока что отражали лишь белую пустую гладь. Но она прекрасно знала, что внутри; это и было её настоящей страстью, завораживающей тайнами...

«Человеческая психика». Третий том, заветный и долгожданный, был самым интересным для девушки: он повествовал не об общих закономерностях и составе мышления, а переходил уже непосредственно к практической психологии.

Долгое время она маялась теорией, пыталась как могла исследовать жесты и реакции людей по наитию, но теперь гораздо бóльшие горизонты распахивались перед пытливым, ненасытным, молодым умом – подсознание. Птичка смаковала моменты пролистывания титульного листа и аннотации: то переводила взгляд в окно, на спящий в собственных тенях сад, то обратно к страницам, растягивая удовольствие.

И только она приступила к чтению, как услышала сдавленный стук за окном. Медленно отодвинула свечу от стекла, затем задула её и приподнялась, чтобы увидеть ступени

перед входом в дом. Приоткрыла створку.

Там стоял незнакомый мужчина, переминаясь с ноги на ногу и ожидая, чтоб ему открыли дверь. Сверху трудно было судить о его росте, но как только Филиппа отворила дверь, стало очевидно: он – статный великан.

– Что вам нужно? – шептала кухарка так тихо, как только умела. – Все уже по кроватям разбрелись.

– Я хочу её увидеть, – ответил незнакомец густым, невозмутимым басом.

– Ночь того и гляди луну даже проглотит, а он речи вести собрался! Окститесь, с зарёй виднее слова будут, на бодрую голову наговоритесь! Идите, пока вас кошки дворовые не покусали! – Филиппа вспомнила недавнюю фразу от Бетти, которая показалась ей довольно угрожающей.

Но мужчина спокойно пропустил страдание мимо ушей.

– Мне нужно будет с утра отлучиться по рабочим вопросам, и вообще, в перерыв, что длится у меня лишь полтора час в обед, нам с женой надо ещё успевать перевозить вещи и приобретать новые – ведь сами знаете, в какой хлам нас поселили.

– Я вас никуда не селила, – вскипала Филиппа, – это вы мне на голову свалились посреди ночи, а добросовестной кухарке и не до вас вовсе: я только нервы перевела и хозяйку успокоила. – Она прекрасно знала, что это сделала Бетти, но при незнакомце, ради красного словца, не смогла удержаться.

– Как можно молча, не соблюдая правил приличия, переселиться и начать добрососедские отношения?

– Какие-какие отношения?! – повысила голос кухарка, но тут же осеклась и продолжила повизгивающим шёпотом: – Мне хоть и было велено пореже правду-то богачам растолковывать, но я вам скажу прямо в лоб (подняла она голову до ломоты в шее): хозяйка передала, чтоб вы катились к чёрту в село за бугром, извините за цитату от себя! Или просто повторю: уходите по-хорошему.

– Я ожидал примерно такого приёма здесь, поэтому вы меня не переубедите. – Человек сделал шаг ко входу.

Филиппа побагровела, прикрыла рукой позади себя дверь и, словно распыхтевшийся от чрезмерного количества угля в топке паровоз, начала тараном наступать на незваного гостя.

Мужчина не ожидал такого напора и автоматически попятился. Но напористая кухарка двигалась быстрее и начала подталкивать его прочь от двери крепкими, уверенными рывками.

– Я вам покажу, как тревожить уснувшие соседские дома, хулиган! Ишь ведь какой пряткий! Я его в первый раз под боком увидела, а он без спроса уже внутрь прошмыгнуть вздумал! Говорю: ведь спят все уже!

Выглядело всё довольно комично – с ростом няни и высотой «гостя», – но он всё продолжал отступать, и, когда отошёл на приличное расстояние от дома, Липпи топнула ногой, да ещё погрозила кулаком для пушного вида. Увидев, что

«гость» уходит, она направилась назад к двери и всё бормотала: – Филиппу пугать он вздумал! Вроде в летах уже, а ведёт себя как несносный мальчишка... – и тому подобное.

Но Великан, уходя, повернулся и сказал скорее устало и чтобы оставить последнее слово за собой:

– В любом случае, этого не избежать. Можете так и передать своей хозяйке: я не отступлю и уезжать отсюда не собираюсь. Она будет со мной говорить, независимо от того, желает ли она этого или нет.

Услышала ли последнюю фразу Филиппа, неизвестно.

А Элли только сейчас пришла в себя – так сильно погрузилась в эту сцену, что упустила счёт времени.

«Няня для меня – всегда воодушевляющий психологический пример выдержки, напора в отстаивании своего мнения, – думалось ей, – этого и с годами у неё не убавилось (если не прибавилось), а вот незнакомец меня разволновал: что же нужно ему? Неужели теперь с такими непонятными соседями придётся жить?»

Хотя что-то явно начинает для меня проясняться: Липпи ходила в Руину, чтобы копию ключей оставить новым постояльцам (а теперь, может, и жильцам) и некоторые вещи первой надобности на первое время, пока те свои не перевезут.

Ещё теперь будет сложно в тот дом попасть, но я знаю, что соседи будут отлучаться в одно и то же время; остаётся лишь завтра повнимательнее следить за ними и узнать в какое...»

На этом она успокоилась и заметила, что снова взяла в ру-

ки книгу.

Следующее, что произошло, удивило её еще раз. Из книги выпала закладка! Но Элли не успела заметить, из какого места. Она и представить себе не могла, кто мог бы читать такое! Загадки с новой силой зашелестели в голове. Нетерпеливыми движениями она начала тщательнее листать огромные страницы и – да!.. Ещё одна! На этот раз она ясно видела выделенный карандашом текст с заголовком «Как управлять людьми»...

Глава 4

Ночь была длинной. Элли ворочалась, как в бреду, и всё ей мерещились старинный дом, призраки, живущие в его запертых комнатах и пугающие постояльцев, плачущая мама и Бетти рядом с ней, расплывчатый таинственный силуэт в лохмотьях, читающий её книгу, и многое другое. Ещё утро не до конца растеклось по небосклону, а девушка уже выскокчила из кровати и побрела привести себя в порядок, так целиком и не очнувшись от мешанины в голове.

В коридоре она наткнулась на мажордома.

– Доброе утро, Бетти. Чего ты спозаранку-то встала сегодня?

– Доброе. На самом деле ты, наверное, забыла, что твоя мама любит просыпаться и выпить ещё до завтрака чашечку свежего кофе, но холодного, как ей непременно нравится. А ты же понимаешь, что готовится он горячим, – вот и приходится вставать на час раньше и оставлять рядом с миссис, на её прикроватном столике. А вот почему ты не доспалась до завтрака – это настоящий вопрос.

– Я была слегка напугана вчера вечером, – приврала Птичка, чтобы надавить на чувства и точно добиться какого-то объяснения случившемуся. – Ты не слышала? Когда все легли спать, приходил некий мужчина, и его прогнала Липпи. Он так настойчиво рвался в дом, что у меня поджилки за-

тряслись! Зачем он мог явиться в такой поздний час, как думаешь?

– Не слышала, но я в курсе, что он ещё вечером собирался зайти, а его на работе задержали какие-то дела. Вероятно, он волнуется насчёт дома – хочет как можно скорей уладить бумаги, чтобы уже со спокойной душой на законных правах въехать. Или хотя бы услышать обещание миссис Пёрк отдать дом, ведь она почему-то холодно приняла весть о нём – неприятным человеком, что ли, он ей показался.

– А по-твоему как?

– Я считаю его обычным постояльцем. Мне дела нет до соседей.

– А кто он, Бетти? Он надолго перебирается сюда?

– По-моему, он говорил, что собирается с женой кардинально поменять образ жизни, включая и место проживания, – хочет многое оставить в прошлом. А отсюда можно сделать вывод, что они имеют планы на наш старый особняк, и, скорее всего, дальновидные. – Тут она задумалась, что-то припоминая. – Поэтому можешь запомнить их имена: Айзек и... Полин, если не ошибаюсь.

Элли знала, что раз Бетти произнесла это вслух, то вряд ли она ошибается.

– А чей это был особняк-то? Почему я ничего о нём не знаю?

– Мало кто хочет вспоминать его историю. Но раз ты уже взрослая, – здесь тон Бетти издал нотки вкрадчивости, – то

приходи посекретничать после завтрака.

Она подмигнула Элли и прошла в комнату миссис Пёрк.

Минут через десять девушка вернулась в спальню и потратила оставшееся время, разглядывая найденные в книге закладки.

Первая – белая, выпавшая вчера из страниц, – лежала перед ней на столе: ровно вырезанный кусочек довольно дорогой бумаги, на которой пишутся письма в важные инстанции либо близким людям на долговечную память; плотная, гладкая, приятная на ощупь.

Элли открыла книгу со второй, синей; выглядела она как случайно, резко оторванный клочок с шершавыми, лоснящимися краями, тоже из плотной, но будто прессованной, более дешёвой бумаги; явно не для писем.

«Это и кажется подозрительным. Можно с лёгкостью думать о человеке, читавшем этот том, о мыслях, которые он выделил закладками, чтобы возвращаться к ним при необходимости, но зачем ему использовать разные? Может, он просто в разное время, в разных комнатах использовал то, что было под рукой, или... – что гораздо интригующе – читавших было двое. Были ли они знакомы? А может, как и я, спустя несколько лет кто-то открыл книгу и, найдя заложенную страницу, не стал выбрасывать чужую метку, чтобы первый читатель, даже по прошествии долгого времени, мог снова вспомнить, на каком именно месте застыла его мысль».

Взгляд на часы дал знать, что завтрак был уже на пороге

и надо торопиться вниз.

* * *

Само трапезничание не принесло ничего интересного. Наоборот, Элли ждала, чтобы оно побыстрее закончилось, – ведь предстоящая разгадка истории Руины не давала ей покоя.

Точно подгадав, когда Бетти останется одна, Птичка мухой скользнула в приоткрытую дверь отцовского кабинета, где сейчас велась уборка (время от времени, естественно, прибирались даже необитаемые участки дома).

– Я и не сомневалась, что ты сгоришь от любопытства, – улыбнулась Бетти. – Ну, садись в кресло мистера Пёрка: я его уже вычистила. Тебе всё с самого начала интересно знать, Элли?

– Конечно, как же ещё?! Начинай же, я больше не выдержу! Я даже не запомнила, что на завтрак ели.

– Лили доедала вчерашнюю запеканку – ты же знаешь, что Филиппа для неё всегда отдельно готовит. Миссис Пёрк порадовали сливочный омлет и булочка с вишнёвой начинкой...

– Бетти, ну хватит! Не смешно. Начинай давай!

– Хорошо, мисс, уговорили, – деланно строго ответила

та. – Начинаю.

Девушка думала, что Бетти, как и няня, будет говорить, параллельно продолжая уборку, но нет – она отодвинула тряпки, сняла перчатки и села напротив. Запрокинув ногу на ногу, а голову – в задумчивом порыве, Бетти приступила к рассказу, который в сжатом виде можно передать примерно так:

Овладев медицинским образованием, теперешняя управляющая хозяйством, а тогда ещё неопытная молодая амбициозная девушка, поработав некоторое время на побегушках и получив хорошие рекомендации, всё же решила не идти по стезе своей профессии. Ей хотелось самой проявлять организаторские способности. В итоге она была принята на работу мистером Пёрком-старшим в качестве прислуги и будущей гувернантки (поскольку обладала недюжинными знаниями в разных областях).

Работы было много для одного человека, но и жалованье было соответствующее в доме, уважаемом не только в округе. Мистер Пёрк-старший – бывший военный, по чьим стопам и пошёл Джек, – с женой были милыми, приветливыми людьми, но с чёткой дисциплиной во всём: от времени трапезы до прогулок и соседских приёмов. Здесь степенность Бетти очертилась, дисциплина вошла в кровь – и её «железность» в военной семье обрела смысл. Оттого в ней души не чаяли. Их сын тогда был на войне, и старики начинали потихоньку «гаснуть» от переживаний да чаяний на единствен-

ного позднего ребёнка. Специальность Бетти пришлось к месту, и она во многом заменила им врачей, оставляя последних на крайний случай.

Чета ушла на тот свет, не дождавшись сына, и дом опустел. В письмах Джек уговорил Бетти остаться присматривать за домом и далее, покуда он не вернётся, с дальнейшим проживанием, если девушка того желала (рекомендации отца сделали своё дело, и Джек знал, что если она смогла угодить родителям, то действительно способна быть мажордомом). Ради светлой памяти семьи Пёрк, которые прекрасно к ней относились, она приняла предложение, но жить одной в опустевшем особняке было жутко одиноким занятием, и тогда она начала снимать себе жильё ближе к окраине города. Оставила неполную неделю на посещение особняка с целью уборки и оплаты счетов. Узнав об этом, Джек начал высылать ей деньги, в том числе и на аренду жилья.

Но не это было главным в то время для юной точёной красавицы: сердце занялось поисками чувств. Их было много: и моряк, и банкир, и простой рабочий, как-то дворник ей приглянулся, а один раз даже и полицейский. Но не видела она ни в ком того, чего искала. А что же она искала? Долго и сама пробовала получить в себе ответ – вышло что-то вроде: «все они не моего уровня, будто простые, что ли; или цели в них не приживаются, а некоторые – слишком горячие для моего рассудка».

До создания семьи дело так и не дошло. Тогда-то она и

погрузилась с головой в работу. Джек вернулся в осиротевший дом и впал в уныние. Попросил Бетти переехать обратно и стать гувернанткой, когда появится ребёнок у них с женой. Так и было сделано. С Анной (здесь Элли условилась с ней называть маму не миссис Пёрк, а Анна) они быстро нашли общий язык, ведь Бетти, прекрасно зная здешние нравы, обучала её правильному слогу и поведению, будучи примером для деревенской девушки.

С беременностью жены Джек воспрянул. Наверное, начал возвращаться к нему ощущение семьи, и пустота потери родителей зарастала постепенно мыслями о ребёнке и супруге. Да настолько он загорелся этим чувством, что решил пригласить родителей Анны – Артура и Амелию – в гостевой дом. Погостить они приехали, набрав вещей недели на две, чтоб насмотреться «высокой жизни», но они и разобрать сначала не смогли: то ли улыбка Джека была чересчур шутовой, то ли он и взаправду в первый же вечер объявил им о сюрпризе. Скорее о подарке – собственно, о том доме, который Элли звала теперь Руиной. Конечно, они, нисколько не раздумывая, остались, а за вещами послал Джек – так что им и не повидалось больше старое жильё.

Дальше – рождение Лили, известное читателю. А за ним – новое несчастье: болезнь Амелии (рак). Лучшие врачи билась в неравном бою за жизнь угасающей женщины, а Артур вовсе забыл, как выглядит мир за пределами комнаты жены, – ведь в скором времени она прекратила даже редкие

прогулки по саду. От Анны вначале всё скрывали, а затем она выудила всё-таки от Бетти, что же происходило с некогда румяной, энергичной женщиной. Нервы бедняжки, как известно, тогда и сдали. Сначала она замкнулась, избегала всех, кроме Джека, закрывшись в своей комнате; плакала и плакала она в него, как и в подушку, час за часом. Потом Бетти объяснила: матери только больнее видеть, как дочь себя изводит, и нужно, наоборот, поддержать её последние недели. Анна взяла себя в руки и стала навещать комнату, ставшую тюрьмой и последним пристанищем заболевшей.

Наступила тяжёлая зима. Кроме морфия, больше, можно сказать, ничего не оставалось, врачи, сделав неутешительные прогнозы, прекратили визиты. Бетти стала для Амелии и сиделкой, и собеседником: всё чаще звали бывшую медсестру сменить Артура у постели и сделать нужные уколы. Тогда-то они и сблизились. Сидели часто втроем: Бетти на совесть топила камин, следила за каждым шорохом, если наступали недолгие промежутки сна между приступами боли, или постоянно с Артуром пыталась отвлечь мучившуюся женщину. Бетти день за днём успокаивала то Амелию, то Анну, да так искренне, что обе будто уходили от реальности, и всё действительно становилось на короткое время сносным; а на себя брала все заботы по уходу. Нет, не в деньгах было дело: просто для молодой медсестры, не помнящей ласки в детстве, ощущение семьи было новым, тёплым, затмевающим недуг стимулом продлить сплочённость как можно дольше.

Кормила она бабушку Элли с ложечки – с той же самой, что и Анна теперь Лили (ведь миссис Пёрк взяла её себе на память о семье). И в этой ложке смешалось всё: и последние месяцы вместе с матерью (хотя редко до того они общались, даже живя в соседних домах), когда та многое поведала Анне о своём детстве, прошлых счастливых и не очень моментах; и боль потери; и надежда, то гаснувшая, то выходящая из-за туч; но главное, как уже упоминалось, – память. После ухода близкого человека как-то начинаешь вспоминать прошлое в более светлых тонах, будто и не было тёмных полос, или они стёрлись со временем.

С каждым днём менялась Амелия, да так, что Анне стало страшно на неё смотреть: никакой надежды она уже не могла себе выдумать, а принять неизбежное не было сил. И вот однажды, увидев бездну впалых скул и глазниц, таких чужих, таких уже не похожих на родные, с Анной случился истерический припадок, и она больше не смогла себя заставить приходить. Подолгу запиралась в своей комнате наверху, без еды и воды, безуспешно пытаясь запылить реальность.

Родители Анны были безумно благодарны Бетти за помощь и прекрасно понимали, что именно она вытянула на несколько месяцев Амелию из лап смерти.

Как-то они подозвали её поближе и, плача, поблагодарили от всего сердца: протянули ценную, инкрустированную, позолоченную шкатулку (самое дорогое, что у них было) с пожеланием насобирать в неё доверху всего самого чистого и

памятного в жизни, и чтоб Господь хранил её, как она охраняла Амелию. Свежим следующим утром Бетти выронила ложку из рук, увидев, что больная больше не дышит. Позвали Анну и Джека. Каждый проводил дух отошедшей как мог про себя тихими, тёплыми словами.

Артур стал сам не свой, потемнел взглядом – только и твердил, что хочет следом за любимой отправиться. Как известно, вселенная хорошо слышит просьбы, посланные с истинным чувством. Весной того же года они воссоединились на другом свете».

Бетти, окончив рассказ, некоторое время молча продолжала доделывать уборку, а затем удалилась, так и не выйдя из своей задумчивости.

Элли сидела как молнией пришибленная и не знала, хотела ли дальше взростеть и погружаться в правду без прикрас. Но она хотя бы поняла трепетное отношение мамы к ложке с головой льва и частую просьбу к Бетти успокаивать её, «как умеешь только ты». Ещё сильнее захотелось пробраться в Руину, чтобы снова взглянуть на фотографии резко появившихся в жизни и также стремительно исчезнувших вновь бабушки с дедушкой, но уже новым, понимающим взглядом.

Она не винила мать за сокрытие таких событий, а только ещё больше посочувствовала и ей, и другим. Птичке люди начинали видаться теперь не как взрослые и недоступные, а как каждый со своими тайнами из юности, повлиявшими на всю их оставшуюся жизнь.

* * *

Элли глаз не сводила с Руины. Время стремительно шло к полудню, и сердце подсказывало: приближался нужный час. Сквозь старые шторы, пока не поменянные на свежие, она отчётливо видела силуэт Полин, явно начавшей быстро собираться к выходу. Ну а пока разные мысли привычно зародились в уме:

«Я и подумать не могла, что Бетти ещё и медицинская сестра, – есть ли вообще предел её умениям? Уважение моё к ней крепится всё сильнее. Какая-то особая связь – невидимая, но осязаемая – будто засочилась между нами: она помогала и моим бабушке с дедушкой, до самого конца не бросала руки Амелии, до самого конца отговаривала Артура не сдаваться, и папу в подобной же трагедии не оставила, маму утешала и утешает до сих пор – счёта нет её заслугам в нашей семье! Уютно становится от этого, сближает. Хочется невольно доверять ей, помочь по хозяйству или как-то ещё, но отплатить за бесценные услуги, дать немного отдыха и теплоты за самоотверженность и самообладание перед превратностями чужих судеб.

Узнав об Артуре и Амелии, в своём сердце я очутилась дома наконец. Теперь всё постепенно становится на свои места,

все связываются в одну семью: и нежно-порывистая Липпи, от одних обедов которой тают даже самые замёрзшие далеко в глубине горести и обиды, не говоря уж о блеске и чистоте до самой макушки дома; мама и папа с их историей; молчаливый страж Бетти, всегда протягивающий руку поддержки; наивно-счастливая Лили (как хотелось считать Элли, чтобы не расстраиваться) в своём мире; непростой, диковинный мир, естественно, был и у Мари, от которой никто не отвернулся, и будущее, надеюсь, забрезжило сквозь непроглядные бури прошлого – все сейчас мне кажутся такими родными, но каждый – со своей трагедией».

Такой толчок произошёл внутри, так захотелось всем помочь прямо сейчас, что руки девушки непроизвольно вскинулись в резком порыве и остались на стекле, словно успокаивали каждого, о ком думала Птичка. Ей стало понятно, что порыв этот был глубинной компенсацией, – ведь сама она недополучила в детстве ласки и поддержки.

Вспомнились ей рассказы мамы о бабушке с дедушкой – всегда о том времени, когда ещё под шум гусей в заброшенной деревушке Анна росла под их тщательным надзором, – и о всяких интересных ребёнку мелочах. На сей раз Элли смотрела на них под другим углом, с некоторой тревогой и боязнью – обыкновенным детским трепетом перед тяжестью настоящей жизни. Зная неустойчивое состояние мамы, она теперь всячески оправдывала её скрытность, поняла, что та подальше запрятала (если вообще помнила) события после

переезда родителей в Руину, чтобы не травмировать психику. Элли уже знала название этому – «защитный механизм», то есть подсознание искажало сознание для минимизации негативных переживаний и всякое тому подобное, в духе заученных фраз из знакомых читателю книг.

Погрузившись в себя, девушка не сразу боковым зрением заметила приближавшийся автомобиль, но вскоре дёрнулась и, встав за штору, вперилась в окно. Айзек поспешно выскочил встретить выходящую из дома жену, они обнялись, перекинулись парой фраз, и тут возникло одно большое «но»: за Полин вышли двое слуг – мужчина и женщина. Элли замерла – планы проникнуть в бабушкин дом были на грани краха.

Мужчина открыл двери хозяевам, женщина услужливо хлопотала с вещами. Спустя полминуты автомобиль тронулся, набирая ход, и унёсся под гору. Слуги подняли оставшиеся мешки и направились ко второму автомобилю, который Элли сперва не заметила.

Птичка выдохнула, только когда второй экипаж бросился догонять первый. «Судьба на моей стороне», – мелькнуло в голове, но, как «настоящий психолог», она переправила это на «нельзя не воспользоваться подвернувшимся шансом» и резко вскочила с кухонного окна.

Знаменитый «тайник» Филиппы, известный каждому в этом доме, находился прямо за шкафчиком с пресловутыми специями и соусами – то есть не дальше, чем молоко мо-

жет спрятаться от кошачьего заложенного носа. Взяв нужные ключи, девушка понеслась по заросшим окольным тропинкам сада к своей цели.

Потревоженная Птичкой входная дверь громко скрипнула, заставив гостью встрепенуться и пулей прошмыгнуть внутрь. Переведя дух, она припомнила время отлучки новых соседей, но решила не рисковать и поспешить. Чувство открывавшихся тайн не могло больше оставить её в покое, и она побежала к фотографиям Артура и Амелии. Иными, добрыми и заботливыми теперь мнились они ей – не такими, как говорила мама. Глаза начали слезиться, чего она не ожидала, но позволила себе минутку сентиментальности. Затем она огляделась: двери, закрытые раньше на первом этаже, на этот раз были все открыты. Она начала подниматься по лестнице, но остановилась: дальше даже полы не были притёрты. «Видимо, слуги не осилили такой объём работы за один-два дня и соседи ещё не обжились – остановились пока на первом этаже». Она подняла голову и заметила, что все комнаты наверху были заперты. Расстраиваться было ни к чему, ведь много неизведанного таилось и внизу. Так хотелось юному сердцу приблизиться к родственникам, погрузиться в их прошлое, стать хоть чуточку ближе, пускай и через столько лет. Руки сами скрестились и легли ладонями на плечи – будто объятием из прошлого.

Миновав гостиную, она оказалась в маленькой комнате, походившей на кабинет. Полчаса осматривала разные вещи

– вкрадчиво, досконально, пытаюсь ничего не упустить и запомнить как можно больше. Ведь всё это в скором времени могло оказаться на помойке, кроме ценностей, которые, скорее всего, передадут Бетти, даже не тревожа Анну. Грёзы заполонили её. «Наверное, это был укромный уголок бабушки. Здесь он мог отдыхать, мечтать, читать, заниматься какой-то работой – да чем угодно, ведь я ничего не знаю о нём». Глаза снова оказались на мокром месте, но руки снова сами по себе потянулись к столу.

Перелистав много старых, уже никому не годных бумаг, она застыла... Перед ней лежали документы на удоочерение.

Дети и представления не имеют о «взрослых делах» – ведь ничто на них не указывает, события не связываются с конкретными действиями и бумагами, а звучат просто как история. И даже вырастая, многие так и остаются с детскими ощущениями и жутко удивляются, если наткнутся на что-то подобное, как произошло с Элли. Тогда это начинает им казаться уже материальным, грубо-прозаичным. Или может «повезти», и ребёнок натывается на «тайники» родителей, узнаёт, как «на самом деле» всё происходит, если уже способен мыслить. А запрет взрослых так и звучит в те моменты в голове, и поэтому знания обо всех находках остаются при себе, а мамины и папины разговоры начинают потихоньку перерастать в разряд вранья; ведь ребёнок уже знает правду, а они всё продолжают удерживать его в прошлом своей «праведной ложью»...

Но их вины здесь быть не может, как и вины другой стороны – всё дело случая. Вот случай и заставил окунуться Элли в детское чувство страха, запрета «не преступи». Помедлив немного, будто перестраивая себя на зрелый лад, девушка дрожащей рукой потянулась к тайне своего обретения семьи.

Приёмной она себя не ощущала, но сейчас это встало перед ней как факт, неоспоримый, жестокий, бездушный факт. Страница за страницей она не вдумываясь листала неприятное доказательство своей чуждости, ненастоящести. Только час назад она впервые задумалась об общности семьи, а сейчас не могла справиться с эмоциями. Ей казалось, она вникла в слова и чувства Мари.

Далее она всё-таки начала вчитываться и заметила, что нигде нет имени её матери! «Но как же так? Она всегда рассказывала, что сама предложила папе сделать этот важный шаг!»

Но в документах чётко значилось только «Джек Пёрк». Ни слова не было о жене – только о её отце. Это он, судя по всему, долго отстаивал право на удочерение. И, к слову добавить, на последней странице, под графой «заверено» не стояла печать, а просто зияло пустое место...

Сбитая с толку Элли начисто потеряла счёт времени и решила на сегодня прекратить свои поиски истины. Не особо разбирая дороги, она вернулась, положила обратно ключи и направилась в свою комнату.

Уже услышав подъезжающих соседей, она задумалась: «А

закрыла ли я дверь? Совсем не помню...»

* * *

Время учёбы по-всегдашнему пролетело «медленно-быстро» – впрочем, как и ужин. По виду мамы никак нельзя было разобрать, знает ли она о происходящем, или Филиппа всё выдумала и по своей воле прогнала вчера Айзека, чтоб просто не будить хозяйку. Но в любом случае Анна не показывала беспокойства, а размеренно кормила Лили. Известная ложка выглядела теперь для Элли то ли устрашающе – наполненной горем и страданием, – то ли как частичка дорогого ей прошлого, которого она не застала.

Перед сном Птичка направилась в сад, на свою любимую скамейку. Расплёсканная то здесь, то там охра сначала разгорелась с закатным солнцем до золота, а затем резко поблекла: большие тучи начали надвигаться со стороны пруда. Даже сюда долетали отзвуки разволновавшихся ив, а вот и зарницы заплясали поодаль у земли. Волнение охватило девушку.

«Молчание мамы о смерти родителей мне ясно. Но зачем было менять местами себя и папу в рассказе о моём удочерении? Не могла же она это забыть или просто перепутать! Не понимаю: почему не сказать правду?»

Из подсознания выскочила бесконтрольная фраза, сказан-

ная во время сеанса с Призраком, обращённая к Анне – «Ты вечная лгунья!», – и тут же послышался первый удар грома. Девушка вздрогнула и от неожиданности обхватила колени.

Элли хотела было уйти, но настроение её слишком совпадало со стихией. Девушка давно не испытывала злости, а сейчас понять не могла: к матери ли относится эта злость, или к самой себе – из-за того, что позволила глупому отчуждению завладеть рассудком. До грозы природа выглядела лицемерной, слишком приятной, наигранной для происходящего внутри, а сейчас всё сделалось внятным: злость и обида на родного человека, который темнит, перевирает и отгораживает.

Стало темно на час-полтора раньше ожидаемого. Всё затихло перед грозой.

Девушка не спеша направилась поближе к дому, чтобы успеть сбежать на случай резкого ливня, но услышала чужие звучные разбитные шаги и присела. В осенних листовых прогалинах гортензии был различим уже знакомый силуэт Великана. Теперь, когда она видела его так близко, он смотрелся ещё крупнее и постучал в дверь так громко и часто, как и предполагала Элли. Девушка испугалась: уж не из-за неё ли он пришёл, найдя свою дверь незапертой? Уйти незамеченной у неё больше не было возможности, да она и не собиралась.

Послышались не очень разборчивые крики: «не стоит, позвольте мне... я его уже прогоняла... можете это поручить

Бетти, только бы вы не взволновались...», а затем дверь отворилась так стремительно, что ударилась с размаху о стену и пошла сильным ходом назад, но была остановлена рукой. Свет соскользнул на заросли, сделав пространство таинственным. В дверях стояла Анна:

– Пора расставить все точки! Отойдём подальше от чужих ушей. – Она схватила Айзека за руку и с силой потянула за собой вглубь сада. Расстёгнутый синий шёлковый халат, белая ночная сорочка под ним и растрёпанные волосы придавали ей довольно воинственный вид, который, как и терпкий тон, ничего хорошего не сулили.

Позади покорно затворила дверь разохавшаяся Филиппа, и скудное освещение теперь давали лишь горящие окна сжавшегося под раскатами грома особняка.

Теперь Анна и Айзек находились даже ближе к Элли, чем у входа в дом. Сердце девушки забилось чаще, и поменяло недавнюю злость на тревогу – ведь настоящая ярость кипела совсем рядом, в собственной матери.

– Какого чёрта тебе надо, ублюдок?

Элли аж произвольно присела от удивления и едва могла распознать в этой свирепой и брызжущей желчью женщине что-то родное.

– Успокойся!

– Я выведу тебя, как грязное пятно, из нашей жизни! – Анна с размаху ударила по лицу Великана.

Тот отшатнулся от неожиданности.

У Элли просто открылся рот, но она его тут же зажала руками.

– Зачем ты явился сюда?! – продолжала кричать разъярившаяся женщина, стягивая фразы крепкими словами, которые мы, пожалуй, опустим. – Ты же увидел: здесь больше нет прошлого, и тебе здесь не место! Чего ты задумал – всё с ног на голову перевернуть? Тебя сюда никто не звал, я ясно ещё вчера тебе передала: катись к чёрту, сволочь!

Элли онемела. Такой «страшно эмоциональной» она не видала мать никогда! «Ошеломлена» сказать о девушке – ничего не сказать.

– Я не сверну. Не для того я сюда добирался бог знает откуда, чтобы твои вопли слушать! Бери бумагу и подписывай! – Что-то зашелестело у него в руке.

– Тварь! – Анна снова попыталась ударить Айзека, но тот перехватил руку.

– Не будь душой! Говорю: подписывай. Ты же знаешь: через суд дороже выйдет. Я лишь куплю эту рухлядь – и дело с концом.

– Это дом моих покойных родителей – он мой, мои воспоминания в нём!

– Что за вздор? Я прекрасно помню, что тебе было наплевать.

– Ты не всё знаешь. Во всяком случае, не так, как тебе кажется. Он тебе не всё говорил о себе... о нас с ним...

– Я знаю с его слов достаточно и просто выполняю его

просьбу. Всё равно никто этот дом больше не возьмёт. Я согласен даже перестроить его по доброй старой памяти, но не к тебе. Ты совсем не изменилась, только хуже стала притворяться.

– Я так и знала, что ты постоянно пытаешься разрушить наше счастье!

– Не носи чушь! Ты здесь по его доброй воле, только поэтому я тебя и не трону, сможешь жить здесь и дальше, если захочешь! – Он кивнул на дом Пёрков и протянул ей бумагу и ручку.

Начали падать крупные капли, подул недобрый ветер, и Айзеку надо было поторапливаться.

– Ни за что! – выпалила Анна.

Дёрнулась к крыльцу, но он схватил её за развевающуюся полу халата и резко дёрнул назад, к себе. Она попыталась закричать, но он плотно, с силой закрыл ей рот – так, что слышался только тихий сдавленный гул. Когда тот прекратился, Великан медленно убрал ладонь и пронзительно посмотрел ей в глаза.

Губы у Анны дрожали, а на глазах заблестели накатывавшиеся неподдельные (как показалось Элли) слёзы. Силы будто покинули её, и слышался лишь шёпот:

– Я не верю тебе. Ты меня обманешь.

– Не путай меня с собой. Договор – для меня не цель, а гарантия того, что мне не придётся верить тебе на слово. Да здесь и не было ничего твоего...

– Но и твоего тоже...

– Оно и не будет моё. На, прочитай же уже!

На сей раз Анна взгляделась в написанное – какая-то безнадёжность изменила положение морщин на лице, облик сменился на жалкий и даже ничтожный. Перемена была разительной.

Она медленно взяла ручку и, колеблясь, то выпрямляясь, то наклоняясь к договору, через минуту неуверенной рукой поставила наконец свою подпись.

– Не разрушай всего, Айзек... Буду молиться, чтобы у тебя проснулась совесть...

– Моя совесть перед тобой, на законной бумаге.

Он сложил её и аккуратно сунул во внутренний карман пиджака.

– А молиться тебе лучше за себя, за свою душу, Анна, – отрезал он и быстро пошёл прочь.

Элли сидела ни живая ни мёртвая и смотрела, как мать заходила в дом.

Дождь усилился, и Птичке некогда было переваривать случившееся в саду; скоро она уже взлетела по лестнице на свой подоконник и, закутавшись в плед, рассматривала грозу из окна.

Если бы Элли только знала, что всю эту сцену она наблюдала не одна: позади неё несколько минут назад буквально на расстоянии семи метров кто-то не спускал глаз со всех троих...

* * *

Гроза бушевала не на шутку: в один миг ливень вдарил в полную силу, потрескивали ветви, под порывами ветра дотрягивались до самого стекла, и Элли вздрагивала. «Да что же, чёрт возьми, всё это значит?!» Тогда девушка не знала, что эти слова надолго поселятся в её устах. Видимость отползла от низинного луга до самых ворот: виден был только сад. На него-то она и стала смотреть, замирая от силы стихии, но вскоре в крошечной темноте нельзя было различить ни единой зги.

Ярко вспыхнула молния и осветила пространство. Элли снова дёрнулась... нет, показалось...

Опять вспышка – и на этот раз сомнений не было: кто-то стоит под её окном. Ужас пробежал по позвонкам и затряс коленки. Элли вжалась в откос и спустя несколько секунд осмелилась всмотреться вниз.

Ещё всполох – и можно было различить женскую фигуру. Она что-то сжимала в руках и будто шевелила губами, возможно, даже выкрикивала какие-то слова, но в шуме капель ничего не было слышно. Затем стала размахивать чем-то, похожим на крест.

Из следовавших друг за другом молний, как по кадрам,

девушка пыталась восстановить полную картину происшедшего. Женщина в бесформенном чёрном одеянии достала исписанный лист, завернула в него крест и тщетно начала пытаться его поджечь. Но то беспощадный ветер тушил слабо тлевшие уголки, то дождь точно попадал в слабо занимавшееся пламя.

В конце концов непонятный предмет кое-как зачался неровным огнём. Помедлив некоторое время, женщина бросила его под окно Элли и поспешила прочь, похоже, прихрамывая на одну ногу. Как лисица, она проворно проскользнула по колыхавшемуся из стороны в сторону саду и слилась с безнадёжно тёмным, непролазным мраком, будто тень, вышедшая из него на несколько минут и скрывшаяся спешно обратно, под свою кровлю.

Всполошившаяся Птичка снова кинулась на улицу, стараясь не создать лишнего шума и не привлечь внимание любопытной няни, вечно шмыгавшей по дому в самые ненужные моменты. На этот раз путь был свободен, и она скоро очутилась у того места, где видела неблагоприятную – да что там – пугающую женщину.

Скомканный предмет, конечно, не успел догореть в такую дурную погоду, и девушка, не теряя времени, схватила его и бросилась вспять. Не промокнуть не вышло. Наоборот – измокла девушка до нитки, – с неё даже в комнате ещё текло. Одежда на скорую руку была сменена на сухую, волосы обтёрты полотенцем.

С волнением в груди она развернула на столе подобранное. Верхняя бумага оказалась истлевшими остатками заклипания или заговора. По отдельным отрывкам она поняла: речь шла о том, чтобы заставить некие потусторонние силы привлечь в этот дом смерть. Возможно, дальше, по логике написанного, должно было идти имя или имена тех, кого она собиралась забрать, но местá те бесповоротно сгорели. Внутри действительно оказался крест, сложенный из восковых свечей – смоляных, обтёкших и загнутых вокруг обгоревшего с концов клочка.

Она поднесла его к свету – это оказалась карта. Элли всмотрелась и увидела... дьявола. Надпись под картинкой также гласила: «Диавол». Она тут же отбросила от себя противно-жуткое изображение, которое перевернулось несколько раз в воздухе и мягко приземлилось на пол рубашкой вверх...

Девушка нагнулась поближе, не веря своим глазам: в зрачках отражался уже виденный ею красный щит с двумя полумесяцами...

Глава 5

Еле поднявшись после неровного, прерывистого сна, Элли не могла остановить жужжавший в её голове рой пчёл. Она подошла к столу; там лежали вчерашние напугавшие её колдовские предметы, но больше всего, до дрожи, её волновало изображение дьявола. Что-то вертелось знакомое, неуловимое в памяти о нём. Всё будто было опутано пеленой, непроходимой для рационального понимания, ведь о магии девушка ничего не знала.

«Вот бы получилось поговорить с Мари! Но даст ли это хоть немного прояснения? Вряд ли, с её-то спутанностью в мыслях и “голосах”, но больше ничего не остаётся. – Она положила карту в карман. – А мама? Как она связана с Айзеком? От неё всё равно не добиться ответа – придётся, видимо, продолжить поиски разгадок в Руине. Чтобы просто защищаться от навязчивого соседа, мама была слишком агрессивна – кажется, ей действительно есть что скрывать. И скрывает ли она это “что-то” ото всех, или это меня водит за нос чуть ли ни каждый?..»

Невозмутимость Анны за завтраком ещё сильнее, чем вчера, возмутила Элли: ну не может же она так беспокоиться за дочерей, чтобы и слова не сказать о произошедшем! Или, раз никто не задаёт вопросов, то и комментариев не последует.

«Как-то по-другому стала я смотреть в поникший взгляд матери: всё больше видится двойное дно её поведения, некая призрачная наигранность... Вот оно! Вспомнила! Призрак! Он говорил что-то о дьяволе, которого нужно обязательно найти и живущем там, где садится солнце. Получается, я его нашла... Вчера при закате солнца карта и появилась под моим окном. Но для других же я не знаю о сеансах и, соответственно, о дьяволе – значит, буду молчать. Тем более, по словам Мари, да и самого духа, “призраки не ошибаются” – следовательно, они должны и так быть в курсе случившегося, если, конечно, они существуют».

После завтрака Элли незаметно проследовала за Мари, думая, с чего бы начать беседу, но никак не могла нащупать предлога для визита в её комнату. Однако везение и на сей раз не пробежало мимо: белокурая девушка направилась к заднему выходу, который вёл в малоухоженную, полузаросшую часть сада.

Элли потеряла её из виду, так как старалась держаться по-дальше. Один закуток, второй – никого. Поиски постепенно завели девушку в тупик. Растерянная Птичка остановилась, схватившись за лапу куста и не зная, куда направиться дальше.

– Зачем ты следишь за мной?! – резко послышался голос за спиной.

Ветка, которую сжимала Элли, дрогнула.

– Я... я не слежу за тобой, Мари... Я просто не знаю, с

кем поделиться. Ты... ты же говорила, что тебе одиноко, – вот и мне стало одиноко, и я подумала: может...

Мари внимательно осмотрела преследовательницу, затем быстро улыбнулась и сказала:

– Хорошо, пойдём.

Она направилась вглубь зарослей, ближе к своему окну. Затем уселась прямо на траву, ожидая того же от Элли. Не жалея светлой юбки, Птичка устроилась рядышком.

– А отчего тебе стало одиноко, Элли? – Голос девушки был мягким и сострадательным.

– Что-то происходит здесь, таинственное и запутанное, но я не знаю точно что...

– Расскажи мне – тебе станет легче, – перебила Мари и пересела так, чтобы они находились лицом к лицу.

– Ладно. Только никому...

– Конечно, никто не узнает.

Элли поймала себя на мысли, что приятно говорить, когда понимают с полуслова, прониклась доверием и продолжила:

– Вчера мама ругалась с нашим новым соседом – Айзекком. Было слегка беспокойно за её состояние – ведь ей нельзя нервничать. А поговорить я с ней не могу: мне немного стыдно. Получилось, что я вроде как подслушивала. Они начали ссору, когда я спешила домой из-за дождя, и не заметили меня в кустах. А любопытство не позволило мне выйти из укрытия. Хоть я всё и услышала, но ничего не поняла. Ты не знаешь, почему между ними кошка пробежала, – Айзек и

Полин ведь только заселились?

– Они уже были знакомы, – отчеканила Мари.

– Как знакомы?..

– Да, знакомы. Ещё до твоего появления.

– Расскажи...

– Мне просто знакомо лицо мистера Крейга, но я не помню отчётливо, кто он: я была слишком маленькой.

– Но хоть что-то ты помнишь? Очень нужно знать.

– Мне видятся много людей. Все говорят, пьют, веселятся.

Обстановка чем-то напоминает нашу гостиную – может, это она и есть. – Мари задумалась немного. – Да, похоже на то. Детские воспоминания такие неясные, скорее это даже ощущения, которые переходят в образы, а не сами события. Всё очень мутно. Как бы пытаешься взглянуть поглубже, оказаться там заново, а получается ещё хуже сориентироваться в...

– Я поняла, Мари. Но Крейг, кто же он, ты помнишь?

– Не помню я. Он среди гостей. Их обычные посиделки, как у нас были недавно, только людей гораздо больше; вся комната заполнена...

– Ну хоть что-то! Сосредоточься, прошу! Ты сможешь.

Мари вздохнула и, сильно задумавшись, отвела глаза в сторону. Зрачки немного расширились, дыхание словно замерло. Не меняя положения, она сказала:

– Он мне даёт в руки какой-то предмет. Конфеты, наверное. Но всё как в тумане... И ещё одно... Когда он приходит,

он не с Полин, а с другой миссис Крейг... Да, у него, видимо, была другая жена... или любовница – не знаю.

Дальше они молча просидели около минуты. Элли не знала, как продолжить: боязнь вывести девушку из спокойствия равнялась силе собственных подозрений насчёт найденной карты. Сам собой напрашивался вывод о прямом или косвенном участии Мари во вчерашних событиях. Наконец Птичка так осторожно, как могла, продолжила:

– Это не всё, чем я хотела поделиться. Но я не уверена, стоит ли.

– Разве мы не будем дружить? – растерялась Мари. – Почему ты сомневаешься во мне?

Элли поняла, что теперь они на одной волне, и приступила, собственно, к главной цели:

– Ты можешь мне честно сказать: не выходила ли ты вчера из дома, пока шёл дождь?

– Естественно, могу: я такого не припомню. А что случилось, почему это так важно?

– Мне не по себе, даже жутко немного. Перед сном я нашла вот это.

Словно алое лезвие, сверкнула карта в её ладони, отразив блик осеннего солнца. Мари, сперва ничего не разглядев, потянулась взять предмет, но на полпути остановилась и вскрикнула:

– Откуда она у тебя?!

– Под моим окном лежала. Мари... только не обижайся:

я должна спросить... Ты же мне показывала свои другие карты... Ты никак не причастна к этому?

– Ну зачем ты так? Ты же единственная, с кем бы я могла поговорить по душам.

– А что же мне тогда думать?... Не теряла ли ты другие карты? Не мог ли их кто-нибудь у тебя забрать? Там же та рубашка, что и на твоих.

– Даже не знаю, что сказать. Я в недоумении... У меня же было только три пажа, о других картах речи не шло!

– Ну и как же мне быть?

Мари не ответила, грустно потупила взгляд и снова «улетела в облака». Элли расстроилась и теребила травинку у колленки: ничто не сдвинулось с мёртвой точки. Периодически девушки поднимали глаза на желтевшие листья, будто пытаюсь прочесть ответы на свои неразрешённые вопросы, а затем снова возвращались к размышлениям, боясь нарушить тишину.

С каждой минутой Мари начинала всё больше волноваться: то чесала шею и щёки, то опять меняла местами подсунутые под себя ноги; на побледневших скулах выступила неровная рдяная краска, а пальцы не находили покоя на её расшитом мешочке. Боковым зрением Элли замечала, что собеседница несколько раз приоткрывала губы, но слова так и застревали, не найдя выхода, и дыхание, кстати сказать, стало прерывистым и суетливым. В конце концов Мари не выдержала и, сильно сжав брошь на платье, прошептала:

– Прости меня, Элли...

– Я не понимаю...

– Врать нехорошо, а я тебе соврала. Но я не могу не сказать правды, просто не могу. На самом деле у меня есть не только три пажа...

Тут Мари открыла свой мешочек и медленно стала доставать карты одну за одной: три уже знакомые Элли, потом – девятку мечей, десятку мечей и изображение скелета с подписью «Смерть»...

* * *

Тем временем у соседского дома началась суматоха перед очередным отъездом.

Также носились туда-сюда слуги, создавая комфорт хозяевам и заранее, по направлению взгляда, угадывая их желания. Айзек снова торопился успеть закончить дела в свой рабочий перерыв, Полин же, напротив, спокойна и сдержанна в жестах. Элли всего этого не заметила; перед ней по-прежнему на траве лежали непонятные карты, вселявшие в неё сверхъестественный ужас.

– Мари, почему ты соврала? Это же ты подложила мне под окно эту карту? Ты занимаешься каким-то колдовством? Ты хочешь причинить мне или кому-то зло за своё одиночество?

Или...

– Остановись! Нет, Элли, нет! – перебила взволнованная девушка. – Я просто боялась, что обвинят меня. Я думала, скоро всё это закончится.

– Что?

– Я не раз уже видела, как кто-то делает подклады у дома, – торопилась оправдаться девушка. – Какая-то женщина. Эти карты я подбирала, как и ты, после её ухода. Смотри: они тоже обгорелые, а мои – нет. Видишь?

Она, в знак доказательства своей правды, раздвинула веером свои три карты против подобранных трёх в другой руке. Элли не знала, верить или нет, – ведь смотрела она скорее не на изображения, а на одинаковые рубашки, всё-таки не дававшие ей покоя.

– Но они из одной колоды. Разве нет?

– Потому я и молчала. Не понимала, как это объяснить другим, – ведь и себе-то не смогла. Думала: всё доделает ведьма и уйдёт, а я выкину, что нашла, и зла не случится. Да никто в итоге ничего и не заметит. Затем я поискала вокруг дома – и наткнулась на остальные подклады; всё находила и находила их: сначала под окном Бетти, затем – Филиппы и после – Анны.

– Допустим. А что значат эти «подклады»?

– Насколько могу судить, их сила строится по значениям самих карт. Но все они негативны. И более того – ведут к гибели тех, кому сделаны. Кто-то хочет зла этому дому.

– А может быть, и кому-то определённом?

– Не исключено. Но я считаю, что это ещё не конец. Однажды я читала об этом, и такой порядок мне знаком. По идее, дальше должна последовать карта того, кому желают смерти.

– Или карты...

Обе девушки задумались.

– Или я их просто ещё не нашла... – добавила Мари, но от этого стало ещё напряжённее.

Спустя некоторое время Элли спросила:

– Мари, а всё это действительно существует? На самом деле?

– Если ты о силах природы, то, конечно, да.

– Я о колдовстве, о духах.

– Для меня это одно. Просто, может быть, наука ещё не всё открыла для себя, а по мне – это есть.

– Но что же тогда будет дальше? – Поддавшись подростковым эмоциям, Элли на мгновение тоже прониклась непонятным для неё миром.

– Надеюсь, что всё обойдётся... Или у ведьмы недостаточно сил, и всё ей обратно и вернётся, если не давать волю панике.

– А зачем ей это может быть нужно?

– Возможно, это заказ, и сама она не имеет никакого отношения к нам. А там кто знает? Столько завистливых людей в округе!

Мари впервые за долгие годы почувствовала интерес к

разговору, будто начала обретать настоящую подругу.

– А если не обойдётся?.. – риторически переспросила Элли.

– То тогда придёт смерть, – спокойно подытожила Мари.

В этот момент как раз поднялись и расшумелись птицы над садом. Старшая девушка отвлеклась, медленно проводя их взглядом, но младшая даже не заметила этого. А вот иной гул, ставший отчётливым, как только пернатый галдящий кагал удалился подальше, сразу привлёк её подсознательное внимание. Элли повернулась на звук.

«Автомобиль!»

Девушка резко вскочила и, неожиданно для обоих, крепко обняла Мари:

– Извини, мне надо доделать кое-какие дела. Приходи ко мне в комнату после ужина, давай ещё поболтаем.

Она посмотрела вдаль – действительно, два автомобиля стремительно уносились под гору. Помахав на прощание Мари, девушка помчалась к кухонному тайнику с ключами. В спину она услышала оклик:

– Но мы же теперь подруги, да?

– Конечно! – Элли специально остановилась и произнесла это лицом к Мари. Ещё раз помахала ей. – Обязательно заходи!

Мари умиротворённо улыбнулась и начала складывать карты обратно в тканевый кيسет. А Птичка спешила уложиться в отведённое время и на сей раз.

* * *

Все лисицы из близлежащих смешанных лесов снова позавидовали бы проворности и шустрости Элли: не минуло и пяти минут, как она уже была в кабинете деда! Девушка достала из ящика кипу всякой всячины. Пропустив знакомые бумаги, её пальцы остановились на папке, следовавшей за документами о её удочерении. Нахлынуло уже привычное чувство трепета, и в жилах забурлило ожидание новых загадок.

Одна часть девушки безудержно рвалась во взрослость, на волю, другая всё так же цеплялась за прошлое, не желая его перекраивать. Сама Элли предпочитала в такие моменты ни о чём не думать, а просто приступать к действиям, чтоб «не надеяться на прошлогодний снег». Что будет – то и будет. Тяжко от неизвестности, и дороги назад нет: половина пути, как и недомолвки, ещё хуже.

Очередные две папки с документами оказались похожими одна на другую: у обеих одинаковая обложка, только толщина была повнушительнее, чем у предыдущих. Одну папку Элли отложила на стол, а с другой села поудобнее в кресло. Первая страница – «Медицинская карта Лили Пёрк». Взгляд перебрался на второй заголовок – «Медицинская карта Ан-

ны Пёрк».

Элли стала читать карту сестры.

Неприметно текли минуты. Девушка уселась поудобнее в скрипучее кресло, ещё не поменянное на новое, а большие настенные часы так мерно убаюкивали её разум, что написанное начало читаться автоматически. Вот уже и зевота не один раз навестила Птичку, и глаза от монотонности заслезинились. В общем, переведя прочитанное на человеческий язык, Элли поняла, что Лили родилась крепкой девочкой, как и рассказывала мама. Все показатели соответствовали норме. Далее также всё шло как по маслу: ребёнок набирал силу, вес, рост.

Листая страницы, Элли дошла до нужного места: «...точный диагноз на данный момент установить не удалось, как и вероятность обратимости процессов, происходящих в центральной нервной системе...».

Она листала дальше.

Всё казалось какой-то мистикой. На ровном месте здоровье было утрачено почти полностью, прогнозы становились критическими. Элли понимала: то, что она так быстро читает, висело дамокловым мечом над головами родителей – надежды исчерпывались с каждой строчкой. Врачи устали разводить руками на расспросы о причинах происшедшего с бедной беспомощной девочкой...

Так же внезапно, как необъяснимая беда набросила сети на Лили, она и расплела их – далее говорилось о начавших-

ся ни с того ни с сего улучшениях. Словно по чьему-то приказу, организм возвращал себе нормальное развитие. Врачи прогнозировали полное выздоровление не позднее чем через полгода.

«Ничего не понимаю: она же до сих пор в коляске!» Дело не прояснилось и спустя несколько страниц: речь снова шла об ухудшении, но на этот раз о постепенном, готовом растянуться на всю жизнь и, возможно, необратимом...

Вдруг скрипнул пол в холле.

Птичка подалась вперёд и вытянула шею, пытаясь понять, не показалось ли ей это.

Тишина.

Но беспокойство разлилось по всем телу, рисуя тревожные картины, – ведь когда подросток несколько раз нарушает запреты, не получая за это наказания, он подсознательно начинает ждать, что его поймают.

Элли медленно поднялась с кресла, которое, естественно, издало гораздо более громкий звук. Эмоции усилились настолько, что дошли до лёгкого головокружения.

Снова скрип. На этот раз как будто ближе.

«Господи, да что же это?..»

Элли второпях засунула документы, кроме карты Лили, обратно в середину стопки и закрыла ящик стола. Она не рассчитала силу, и гулкий удар напугал её и того пуще.

«Аккуратнее, всполошённая корова!» – промелькнуло в голове будто голосом няни.

«Наверно, так меня успокаивает подсознание – ведь я даже не знаю, чего так испугалась».

Снова скрип. Точно, это шаги. Кто-то крадётся.

«Что же теперь делать? Как же так, все же уехали! Боже, только бы это была няня... или Бетти...»

Она огляделась в комнате и увидела брошенную на стол вторую папку, которую автоматически схватила и засунула за пазуху к первой. Сделав пару нервных беспорядочных движений, она направилась к длинной толстой шторе.

Несколько секунд прошли спокойно.

Девушка нервно усмехнулась своей глупости и уже решила направиться домой, как тотчас услышала щелчок дверной ручки.

Сердце завалилось в самую глубину, а коленки казались чересчур слабыми от страха. Время застыло – может быть, потому что застыл воздух.

Девушка чуть повернула голову, чтобы посмотреть в окно: родной, безопасный дом находился всего в нескольких десятках метров. О, как много бы она отдала сейчас, чтобы просто испариться и оказаться там, в уютной пряной кухне с Филиппой!

Режущим скрипом обдало уши – открылась дверь.

«Хорошо, что я закрыла ящик. Пусть ничего не заметят и просто... просто уйдут... Пусть, пусть... ну, пожалуйста...»

У Элли всё сильнее колотилось сердце.

Чужое дыхание – встревоженное, полное адреналина –

медленно двигалось по комнате: кто-то аккуратно обходил мебель, чуть шаркая ногой. Затем исчезло, будто обдумывая дальнейшие действия. Пожалуй, и вечности не хватит, чтобы описать всё пролетевшее перед внутренним взором юной Птички.

Собственное дыхание – прерывистое, тяжёлое – казалось ей чересчур громким. Сделав глубокий вздох, девушка затаила дух. Спустя тридцать секунд пульс уже дятлом долбил в виски, но вздохнуть снова было нельзя – теперь уже совсем громко вышло бы. Но некто, ещё находящийся в комнате, всё не двигался, не издавал шума.

Девушка готова была упасть в обморок; ей почудилось, будто штора начала потихонечку отодвигаться (её рябивший однотонный рисунок и недостаток кислорода мешали Элли точно это понять). Снова повернув голову в сторону, она заметила, что ткань явно переместилась к откосу: её стало гораздо меньше, и она уже приближалась к плечу.

Резким рывком, как ударом грома, откинуло занавеску!

Птичка не сразу поняла, что крик, возникший вместе с выдохом, был её собственным.

Когда побелевший от шока экран перед глазами прояснился, Элли увидела лезвие ножа, кончик которого указывал прямо ей в горло. А за ним – незнакомое лицо женщины со сжатыми в струнку губами и сверкавшим молнией взглядом...

Глава 6

Как всегда незатейливо, Филиппа управлялась у плиты и успевала всё сразу. Иногда, для отдыха глаз, она оборачивалась к окну – проверить: на месте ли все осенние красоты. В приоткрытые ставни иной раз забежали отголоски птичьих игр, припорошенные знакомым каждому прелым шорохом листвы. Солнце на редкость быстро сменило давешнюю дождливость и расплескалось по охровым насыпям закутков сада. Пела природа, и, понятное дело, запела и душа кухарки.

Будучи в приподнятом до неугомонных ласточек настроении, она затянула не очень благопристойную деревенскую песенку, сначала пропуская «крепкие» места, затем тихонечко мыча их, а потом и вовсе распевая на всю кухню. Дела спорились, куплеты резво лились, дообеденное время размеренно испарялось.

И вот, ближе к самой высокой ноте, Филиппа размашистым вибрато затянула первые буквы непристойного (даже лучше сказать «пикантного») слова, самозабвенно закрыла глаза, приподняла руки, будто идя навстречу другу, чтобы обняться, но не успела закончить...

– Да ты что! Осядь!

От испуга звуки в горле перепутались, сдавились в ком, перекошились в короткий визг и застряли поперёк. Кухар-

ка громко закашлялась и завертелась перед кастрюлями, как курица, обнаружившая, что две минуты жевала не червяка, а простой серый шнурок.

– Господи приди! – выскочил её первый, собранный в слова вскрик. – Нельзя же так подкрадываться! Аж дух в зобу спёрло! Я чуть с роднёй своей не встретила – добрая им память!.. До сих пор руки колыхаются.

– Я не кралась, просто кто-то так разорался, что своё печёночное рагу оглушил, не считая бедных жителей нашего перекосившегося от срама дома, – сказала Бетти, которая уже сидела в привычном кресле у двери, закинув ногу на ногу, и делала записи в свой блокнот повседневных забот. Видимо, она достаточно наслушалась куплетов, пока дело не дошло до предела её слуховых децибелов, не говоря уж о границах приличия. – Кто-то так разорался, что у меня три ресницы завернулись.

– Боже, да кто же это?! Я и не знаю...

– Да уж... действительно загадка.

Филиппа покраснела и стала громко перемешивать стряпню, чтобы быстрее стереть предыдущие звуки из памяти Бетти, но, заметив боковым зрением, что план не особо эффективный, решила поскорей перевести тему:

– Я сегодня утром такое молоко взяла в деревне – жирное, вкусное, ароматное! Там дворовые мальчишки такие развешёлые, шальные песни пели... – тут она быстро осеклась. – ...Такое молоко, такое молоко! Ммм... чудо пахнущее! Буд-

то коровушку-душку моими наваристыми, пышными кашами кормили!

– Да. Наверно, и горло, на зависть оперным крикунам, отменно смазывает...

Кухарка уже не знала, как выпутаться из сраму в приличие. Спасение явилось в виде Элли, залетевшей на кухню с расплётанным взглядом и красными щеками.

– Вспомнишь солнце – вот и лучик! – просияла «певица», а потом без нужды прибавила: – Легка на поминках!

– Да уж какие-то потешные «поминки» получаются, с такими-то «романсами»! – добавила Бетти.

– Что это с тобой приключилось, Птичка? Вся всклокоченная, как перед ощипом, – Филиппа повернулась к ней не без удивления.

– Просто удирала от дневной летучей мыши, – решила отшутиться та, учуяв царящее в комнате оживлённое настроение.

– Да как же так? – возмутилась няня, – я же только вот прибиралась! И откуда она только вылезла, кровопийца!

Бетти подняла взгляд, пытаясь понять, всерьёз ли на сей раз встрепенулась кухарка, которая продолжила:

– Ну а если всё-таки увидела – значит, мытая, чистая, как мои обеденные скатерти, была мышь, не так ли? Чего ж её тогда пугаться? Филиппа нигде грязи не допустит укрыться.

Здесь все рассмеялись, и обстановка разрядилась со всех сторон. Элли забралась в любимое местечко у окна, выгля-

нула из окна в сад и вздохнула:

– Эх... какая живописность! Всё такое непередаваемое, неповторимое, и так успокаивает! Вовсе и не грустно, как обычно пишут, такими осенними деньками – приветливыми, как твои сказки. Я их так часто и представляла в детстве: красочными, сочными. Сад на самом деле будто нарисованный.

– Ты ещё со мной давно за продуктами не ходила. Там по пути такие липы! Не листья – а золото! Думала ими расплатиться, да боязно стало: я с констеблем уже не на короткой ноге – недавно повздорили. Ну как повздорили? Просто рассказала, что у меня однажды хряк был – ну вылитая его тёща, когда улыбается! Ха-ха! – Тут она попыталась изобразить улыбающуюся гримасу, только непонятно было: кого из двух. – Да уж! весёлый, эффектный был хряк! Копия! – Кухарка помолчала, но всё же «строго» присовокупила: – А нечего было его тёще мне продавать в закрытом мешке зерно, смешанное с нелущёным! Поэтому я по делу сказала. Тем более правду. Ммм... какой был улыбчивый хряк! – в задумчивости продолжала смаковать кухарка.

Бетти хохотнула и погрузилась внимательнее в составление будущего меню, сметы расходов или кто знает чего ещё; а Элли придвинулась поближе к столу и поинтересовалась у Филиппы:

– Помнишь, ты мне про папу рассказывала?

– Пока дня три последних в память умещаются, – Доволь-

но схватилась та за косы на голове.

– А можешь и про Лили рассказать? Какой она была, когда я была совсем маленькой?

– А чего же тут помнить? Ох... Ничего и не менялось годами.

– Может, ей становилось легче? Были улучшения в её состоянии?

– Не помню я такого. Вот хуже – да, становилось. Но вроде получилось, с божьей помощью, остановить эту тяжбу.

– А что было сделано, кроме «божьей помощи», Липпи?

– Мистер и миссис Пёрк решили приобрести ещё не до конца проверенные лекарства – надежда их была сильна. Ещё изменили само питание Лили: теперь, как ты знаешь, я ей готовлю всегда только самую здоровую пищу. За столько лет приучилась я уже к этому, и добавляю, как ты выражаешься, «безвкусные соусы», хотя сколько они стоят и подумывать страшно. О, батюшки наши святы! Чуть не забыла как раз! Раскладывай специи скорее, а то уж всё к готовности подходит!

Специи были разложены, блюда накрыты, чтоб «дойти», и Филиппа поспешила в гостиную накрывать стол. Элли не успела всего расспросить и решила разузнать всё у Бетти:

– А это уже было до Липпи?

– Что «это»? – не сразу сообразила та, погрязнув в бумажных делах, требующих строгих вычислений и точности.

– Ну, новая диета Лили, дорогостоящие лекарства. Ты же до Липпи всем этим занималась?

– Насколько помню, не я. Готовила я на остальную семью, а за дочерью они смотрели сами. В лекарства я не вникала.

– Но ты же говорила, что была медсестрой.

– Это так, но такими редкими препаратами занималась куча нанятых иногда из других стран докторов. А о подпольных изысканиях мистера Пёрка я вообще не знала – в первый раз слышу. Всё равно никто не сможет предсказать то или иное влияние неапробированных средств. В любом случае, врачам гораздо виднее.

– А как сама думаешь: может ли моя сестра выздороветь?

– Боюсь, что нет. Мне очень жаль.

Глаза Бетти погрузнели, и она опустила голову.

– Совсем-совсем никакой надежды?

– Если только молитвами Филиппы – она, кажется, хоть немного верующая.

Бетти тяжело выдохнула и начала водить пальцами по подолу.

– Как бы не стало хуже, – еле слышно добавила она.

Элли задумалась, чего бы ещё спросить, но раскатистый, трубный зов Филиппы перебил весь поток:

– Есть тут кто голодный?! Все к столу!!! Такого рагу ещё никто не пробовал: прямо с небес упало к нам в кухню! Хорошо, что я как раз там была и с пылу с жара его – сразу по тарелкам!

* * *

– Сейчас проверим «небесное происхождение» нашего обеда, – рассаживалась с аппетитом Анна, поглядывая на Лили.

– Проверьте, проверьте, – раскладывала всем дымящиеся вкусоности кухарка. – Прекрасное и сытное нам скрывать нечего! Сейчас и желудки ваши начнут причмокивать пуще голодных синиц! Кто недовольным уйдёт, тот посуду мыть пойдёт! – пропела она.

Хозяйка странно покосилась на неё, и та спохватилась:

– Но недовольных, конечно же, не предвидится, не волнуйтесь. Ну... пусть пища сия пойдёт нам за лекарство! – И первая пустилась в кулинарное путешествие.

Даже Мари сегодня сидела не просто погружившись полностью в свою тарелку, а иногда улыбалась чему-то – то ли «своему», чуждому среднему разуму, то ли происходящему вокруг.

– Гляди, Лили, какой светлый радостный денёк! – Кормила дочь Анна, показывая в окно. – Просто загляденье! И настроение у меня на редкость такое же светлое (сказала уже всем).

– Ясное дело! – с полунабитым ртом без задней мысли

подтвердила кухарка. – Солнышко любые морщины расправит!

Анна, естественно не приписывавшая себя к пожилым, тем же странным взглядом осенила её снова. Бетти чуть не подавилась от сдержанного смеха, а Элли всё поглядывала на молчавшую сестру: ведь чем взрослее становилась, тем тяжелее было осознавать стёртое будущее Лили. Так хотелось что-то исправить, помочь – всё бы она отдала ради её выздоровления, – но в том-то и зрелость: надо начинать смиряться с обстоятельствами выше нас и сглаживать уже имеющиеся углы, не тратя бесполезного времени на переживания о несбыточном.

– Ну как вам кушанья-лакомства, миссис Пёрк? – спросила кухарка.

– Пальцы облизывать, по твоему выражению, я, как ни странно, не буду – но, как всегда, во рту всё тает.

– Тут скорее не пальцы, миссис, – тут язык проглотить можно. Не знаю, кто ещё в округе так душу обедами радует, как мы.

– Хвастовством свет пройдёшь, да назад не воротишься, – улыбаясь, сказала мажордом.

– Бетти, но ведь действительно вкусно! – поддержала няню Элли.

– Этого не отнять, конечно.

– Ну вот! – обрадовалась насторожившаяся Филиппа и обронила «к месту»: – И ворона своих детей хвалит.

Тут уже мажордом странно посмотрела в её сторону. Но в любом случае кухарка завсегда разгоняла и скуку, и грусть, а вкупе с сегодняшним солнцем и вовсе держала расположение духа встряхнувшимся и бойким.

Затрапезная беседа и далее лилась игривым и дружным ручьём, который то огибал стройные веточки в обличье правил приличия Анны и Бетти, то натыкался на камни в виде прямолинейности и задорности Филиппы, но, торопясь, перетекал их и стремился дальше. Половина обеденного времени миновала. Давнее давнего в этой понурой гостиной не царила такая спокойная и умиротворяющая жизнерадостность.

Раздался стук в дверь. Как-то разом все вместе застыли.

– Чего сидишь, Филиппа? – «разбудила» её Бетти.

– Ох, взаправду, чего это я? Уже ползу, уже лечу!

За тридцать секунд ожидания сердце Элли напряглось непомерно, хотя приём пищи неторопливо продолжался.

В следующее мгновение в комнату зашла Филиппа и Великан.

– Добрый всем день! – Своим громогласным голосом он моментально развеял висевшие в гостиной фразы.

Лицо Анны два раза поменяло выражение – от бывшего радостного на раздражённое и в итоге на чопорно-этикетно-приветливое. Мари просто с интересом поглядела в его сторону, как и Бетти, а Лили обыденно продолжала смотреть в сад, не обращая ни на что внимания.

«Вот и всё... мне конец! – промелькнуло у Элли. – Что же теперь будет?»

А мысли эти пролетели не зря. И пора читателю прояснить стремительные происходившие где-то за полчаса до обеда события, которые ей очень не хотелось выдавать на всеобщую огласку. А выглядели они вот как:

– Вот ты и попалась, шельмовка! – прошипела сквозь зубы незнакомая женщина, державшая у горла Элли нож. – Думала, тебя никто не поймает? А управа-то нашлась!

– Господи! Кто вы? – Девушка вся тряслась, инстинктивно поставив между кончиком лезвия и своей шеей ладонь.

– Кто я?.. Я тебе сейчас покажу, «кто я»!

Женщина, сжав крепкий кулак, замахнулась, целясь в щёку Птички.

Та взвизгнула, упав на пол и прикрыв голову руками; забилась в угол у окна. Не увидев никакого сопротивления, незнакомка поумерила разгорячившийся норов и не стала атаковать – просто, как коршун, нависла над добычей и продолжала нарочито выкрикивать угрозы, не давая девушке прийти в себя. И когда та начинала приоткрывать глаза и опускать с макушки руки, снова замахивалась на неё. Это произошло несколько раз до тех пор, пока гнев окончательно не покинул нападавшую.

– Ты же совсем девочка, – Вгляделась женщина получше. – А такие поступки затеяла, зазорница. Как только не

стыдно!

Но ни стыда, ни позора Элли испытать не успела. Даже не знала: сколько всё длилось, ведь в эмоциях время растягивается непомерно длинно, а для подростка – так это надо ещё надвое умножить.

– Пожалуйста, успокойтесь, – шептала она. – Я ничего не сделала.

– Да ты же маленькая хитрая воровка!

– Вы... вы не правы, – запинаясь Птичка, пытаюсь незаметно протолкнуть папку с бумагами поглубже за пазуху, и, естественно, густо залилась румянцем. Но поскольку и была в пылу со страха, то это не особо выделялось в общем фоне.

– Как же не права! Здрасьте! Я с вчера не стала хозяйину рассказывать, что дверь открытой нашла. Сама забыть я не могла – за столько лет такого ни разу не наблюдалось, – а в доме никого не было. Увольнений и подозрений мне не надо – вот я тебя, зараза, сама и словила сегодня!

Женщина потянулась к телефонной трубке, как будто бы зачем-то медля, и не спеша подняла её. Растерявшаяся Элли только и смогла выдать:

– Ну пожалуйста, не надо! Простите, простите меня.

– Вот те раз – «простите»! С каких это пор воры прощением отделяться начали? Я тебя раз и навсегда сегодня отучу погаными делами заниматься!

Она снова грозно помахала кулаком, забыв, что в нём всё ещё находился нож.

Элли по инерции опять начала защищать ладонями свою бедную голову, на этот раз совсем уж безропотно и жалостно. Нервы у неё не выдержали, и один за другим побежали вниз слёзные каскады.

Всхлипы сотрясали её напряжённое, сжавшееся в комок тело, а нападавшая стояла молча, оценивая обстановку. Кулак медленно опустился. Видя, что девушка даже глаз не могла поднять, женщина намеренно громко отложила на стол нож и, сделав шаг назад, сказала уже не деланным голосом:

– Ладно... а ну-ка встань, сядь и расскажи тогда, в чём здесь дело.

Птичка начала приподниматься, но застыла на полдороге, не зная всё-таки, встать ей или сесть.

Малозаметная улыбка скользнула по губам женщины, и она решила озвучить просьбу более внятным способом:

– Вставай с пола, садись на стул. – Она указала на хлипкий трёхногий экземпляр, стоявший около надутого, старого, глубокого и комфортного кресла.

Виноватым котёнком девушка поместилась на качающееся и скрипящее место, склонив голову, как на казни. Только перебирала пальцами воздух.

Глубоко выдохнув, женщина начала разговор первой:

– Меня зовут Дора. А у тебя есть имя?

– Элли, – попыталась разборчиво произнести девушка, но накопившиеся меж губ солёные капли смешались со зву-

ком. – Элли, – повторила она.

– Вот и хорошо, Элли. А теперь переставай плакать, иначе мы так ни до чего не дойдём. Почему ты очутилась в этом доме, коли ты не воровка, а?

– Да... я не воровка. Я... я... просто хотела, – никак не получалось у неё придумать хоть сколько-нибудь разумного объяснения, и она решила начать по-другому: – Я дочь хозяйки.

– Ха! Да что ж ты меня совсем за негодную умом держишь?! Что ж я, миссис Крейг не знаю, что ль?

– Я не про неё – я про Анну Пёрк, мою маму.

Эти слова произвели сильное впечатление на Дору: правая рука сжала выдавший виды засаленный подол, а левая неожиданно для себя самой потянулась почесать «резко зазудевшую» шею. Бровь вздёрнулась, потянув за собой вторую, а желваки туго подпёрли скулы.

Взгляд забегал сначала по комнате, потом по самой Элли и, наконец, запутался где-то в напрягшихся извилинах мозга, закатившись слегка вверх. Вид при этом Дора приобрела недоумённо-ошарашенный.

На полминуты время застыло в молчании. Часы, казалось, вот-вот оглушат их обеих своим ровным тиканьем. И первой не выдержала Дора:

– Вот это да! – вскинула она руками. – А как же?.. А... зачем же ты... – Дальше дело снова не шло.

Элли насилу успела придумать два оправдания, но выбра-

ла, как ей показалось, более подходящее для Доры – эмоциональное:

– Мы не так уж близки с мамой. Точнее, она не любит мне рассказывать о прошлом, а мне, наоборот, хочется узнать как можно больше о своих бабушке с дедушкой – ведь это их дом.

– Но... но почему ж ты раньше не заходила?

– Может, это выглядит неправдоподобным совпадением, но я об этом узнала только на днях – нечаянно, от прислуги. И начала тайком от всех ходить сюда. Просто сидеть и разглядывать их вещи, представлять, какими они были, как бы говорили со мной, где бы гуляли... Я их совсем не знала, но так всегда мечтала, чтобы, как у других детей, у меня была забота бабушки с дедушкой.

Дора не знала: то ли поддержать сейчас ей надо девушку, то ли не поверить ей.

– Не верится мне что-то: речь твоя будто из книги какой выдернута.

– Простите. Это всё от волнения. – Слезы снова стали копиться у неё меж веками.

– Ладно, детка, не волнуйся. Тут надо с разумом собраться и всё расставить по углам. Так... Значит, действительно ты вчера была в доме, пока мы с хозяевами были в отлучке, и забыла закрыть дверь, когда уходила?

– Получается так... Но я не хотела ничего красть или пугать кого-то.

– О, меня так просто не напугать: я таких негодяев ловила – меня вся округа знавала! Но не суть...

– Я лишь боялась, что новые соседи выкинут все вещи, а я и одним глазком не успею их обглядеть. Маме, наверное, всё равно на них, а мне – нет!

– Ну а чего ж ты просто не пришла да и не сказала? Что ж я тебя, дитя, не пустила б, что ли?

– А вы бы не сказали маме?

– Ну не знаю... – Насупилась Дора.

– Вот и я не знала.

Птичка почувствовала, что её стали слушать, и начала без контроля вываливать всё новые и новые логические доказательства своего пребывания здесь:

– Я увидела, что каждый день в одно и то же время соседи уезжают вместе с прислугой на час-два. Тем более я знаю, что мама и мистер Крейг повздорили недавно. То есть вряд ли кто-нибудь из них был бы в восторге, узнав о моих проделках.

– М-да... сцепились они точно не на шутку, тут ты в точку попала, – связывать их не стоит... Ну что же делать мне с тобой-то? Вот задача...

Дора принялась наглаживать волевой подбородок, прикусив контрастирующие пухлые губы.

– Может, просто забудем? – обнадѣжилась Птичка, хоть из «своих книг» знала, что перебивать в такие моменты человека не стоит.

– Да как же! Ежели мать тебя не воспитывает, то нужно кому-то урок тебе преподать! Давай так: сердце моё защемилось о твоих деде с бабкой, и, будь моя воля, я бы позволила тебе хоть каждый день здесь рассиживать, покуда мистер и миссис Крейг назад не будут возвращаться. Да и боялась ты не зря: сегодня-завтра на самом деле наступила бы пора на свалку оправить старьё, захламляющее дом, а для тебя – памятные вещи. – Тут она бросила сострадательный взгляд в сторону Элли. – Но как же с ними быть: миссис Пёрк и мистеру Крейгу не скажешь, а выкинуть теперь жалко. Однако без их разрешения я никак действовать не могу... Тупик, что ли?

Обе опять замолчали, стараясь отыскать выход из положения. Элли скорее надеялась на Дору, ведь сама до этого не смогла найти компромисс, потому и скрывала свои «походы». Но также понимала, что сельская женщина, с её бытовым складом ума, едва ли сможет разрешить сей сложный вопрос. Вот и сидела, ожидая от Доры приговора.

Та, в свою очередь, сморщила лоб донельзя, обыскивая закутки сознания: может, что из молодых лет вылезет или озарение какое спадёт невзначай. Замучив напрочь свои морщины, Дора сдалась:

– Не по мне, деточка, такие головоломки, – свела она к нулю все свои размышления.

– И как же нам быть? – в сложившейся ситуации Элли рискнула присовокупить Дору себе в помощницы.

– Мы поступим так, – сначала поддалась та, но поправи-
лась: – Я, тебе в назидание, всё выдам мистеру Крейгу, а там
пусть он сам решает твою судьбу. У него точно ума хватит
дельно растолковать, как быть. Ты если и взяла что-то – то
мне и дела нет до ветхого хлама. А сейчас ступай покамест
домой, скоро хозяева вернутся... Ох и запутала ты всё попе-
рёк, мне и так невпроворот занятий в доме, а теперь ещё и
новая докука! Ступай.

Птичка, не поднимая виноватых глаз, словно призрак, на-
правилась к выходу: ответить на решение Доры ей было
нечем. Ожидать так ожидать, хотя это было ещё пущим на-
казанием. Думала, всё здесь и решится, но нет...

Итак, вернёмся в гостиную, которую посетил незванный
Великан – мистер Крейг.

– Добрый день, – разом вторили все в ответ на его раска-
тистое приветствие.

– Каким ветром занесло вас сюда, Айзек? – Анна расте-
рянно проглотила недожёванный кусок пирога и поставила
чашку с чаем мимо блюдечка, так и не запив.

– Умеренным, Анна, умеренным.

Айзек неторопливо проследовал к столу, а Филиппа оста-
лась стоять позади, пытаясь слиться с рисунком обоев, что-
бы раздражение хозяйки, яркой зарницей вспыхнувшее в го-
стиной, не отрикошетило по ней.

– Моё почтение, юные леди! – Великан нагнулся больше

чем вдвое, чтобы дотянуться поцеловать ручки Элли и Мари.

– И вам, – растерялась Элли.

– Благодарю, – кокетливо ответила Мари и слегка покраснела.

Айзек поклонился также Бетти и Анне (Филиппу, видимо, он поприветствовал при входе) и застыл у стола. Возникла неловкая пауза. Бетти было хотела предложить гостю место за обеденным столом, но осеклась, не имея ни малейшего понятия о мыслях миссис Пёрк. Она отвернулась к Филиппе, чтобы потянуть время, а та вздрогнула, поняв, что её заметили, и начала медленно, как облако от лёгкого порыва ветерка, двигаться в направлении стола, высматривая что-то на потолке.

В этой неудобной тишине глоток чая, который сделала Бетти, оказался достаточно громким, чтобы вывести Анну из оцепенения:

– Хотите чаю?

– Хочу, – ответил Айзек.

Но поскольку Анна далее ничего не добавила, явно нарушая знакомые ей правила приличия, он сам ни капли не смущаясь отодвинул стул и присел, приветливо смотря на Мари и Элли.

– Филиппа! – Бетти обратилась к снова вздрогнувшей от этого кухарке.

– Ах да. Поняла! – встрепелась та и поспешила на кухню, но почему-то не вернулась.

Мажордом, пытаясь сгладить глупую ситуацию, нелепо улыбнулась, направилась к серванту и совершила очередную оплошность, спросив, какой чай ему лучше предложить: зелёный или чёрный, – ведь на столе стоял только зелёный. Испытывая от этого явную неловкость, она аккуратно достала самую красивую чашку и поставила перед гостем. Тот, заметив её смущение и оглядев уже налитый остальным чай, дружелюбно ответил: «Зелёный». Налив ему порцию, Бетти села напротив, глупо улыбаясь. В ответ Великан делал то же самое.

– Чем обязана? – перебила искусственность ситуации Анна.

– Собственно, я пришёл поговорить о вашей дочери...

Рот Анны чуть съехал вниз, и она не сразу нашлась, что сказать. Полузаикаясь, всё-таки выдавила:

– А... а с каких это пор малознакомые люди (это явно резануло уши Элли) с порога приходят ко мне поговорить о моих детях?!

– Или даже послушать, что ваша дочь расскажет мне, – продолжил свою фразу Крейг, проигнорировав вопрос.

От такой наглости рот Анны будто и вовсе отклеился. Она не знала, пора ли начать раздражаться или сперва выяснить, в чём было дело. Окинув беглым взглядом всех сидящих, она собралась с нервами. Чтобы не получить очередного пренебрежения со стороны гостя, решила обратиться к Птичке:

– Дочка... Элли... посмотри на меня. Что случилось?

Девушка еле-еле, будто с пудом на шее, подняла голову. Лицо её слегка подрагивало и стремительно бледнело прямо на глазах. Анне показалось, что та сдерживает слёзы... от страха, что ли.

– Элли, не молчи, прошу!

– Молодая леди желает, чтобы всё рассказал я? – вступил Айзек.

– Я... я не знаю, как сказать... – сбивалась Птичка.

– Да чёрт возьми, что происходит?! – не выдержала Анна.

Тут скрипнула дверь, и в комнату неуклюже ввалилась Филиппа (видимо, подслушивая, она так увлеклась, что не рассчитала своего веса, повиснув на двери). «Эх», – только и вырвалось из её уст.

Тут же она сделала непринуждённый вид и зашла в гостиную полностью (почему-то без чашки для чая). Бодро домаршировала к своему месту и уставилась в окно, чтобы ни с кем не столкнуться глазами, – ведь понимала: все сейчас смотрели только на неё.

– Ваша дочь, очевидно, не так уж близка с вами по духу, Анна, раз боится вам говорить о своих переживаниях.

– Что? Что ты такое городишь? Это она тебя боится! Пришёл тут без спроса и давай, непонятно зачем, к дочери моей лезть!

– Ваша дочь только что мило беседовала с моей горничной Дорой, и...

– Ох! Я знаю Дору, мы тоже с ней не раз уже во дворе

сталкивались и мило беседовали – хорошая женщина, боевая, с ней не пропадёшь! – влезла кухарка.

– Подожди ты! – махнула на неё Бетти, а Анна продолжила:

– Ну... ну, если даже так – то чего здесь предосудительного?

Элли застыла – ведь развязка должна была наступить в этот момент, но не ожидала той позиции, которую дальше в разговоре занял Айзек.

– Скажите, Анна (её уже начинало распалать, что он постоянно обращается к ней по имени, будто пытаясь давить на неё), вы хорошо знаете свою дочь?

От такой фамильярности миссис Пёрк так оторопела, что забыла разозлиться, и просто ответила, беспомощно опустив кисти на край стола:

– Отлично знаю, мистер Крейг.

– Тогда вы определённо знаете, что... – Тут он сменил выражение лица от настоятельно-неотступного на улыбающееся и повернулся к Элли, хотя вопрос продолжил задавать Анне). – ...что она делала каждый день в моём теперь уже доме во время нашего с супругой и прислуги отсутствия?

– Вы... ты... о чём?

– Мама, дело в том, что... – осмелилась начать Элли, но Великан её перебил:

– Вы плохо воспитали свою дочь или вообще она для вас стала безразлична? Юные годы – подспорье и залог будущего

добропорядочного человека, не так ли? А вы отстранились от своего ребёнка настолько, что ему проще втайне от вас нарушать границы чужого дома – даже если в этом и не было злого умысла, – чем спросить вашего разрешения? Видимо, она боится с вами делиться, или что вы просто-напросто будете её игнорировать, или что без объяснений откажете в подростковых удовольствиях? Так стоит ли в чём-то винить одинокого запутавшегося ребёнка? – или матери вместо очередного наказания нужно принять своё дитя, сесть и расположить его к себе, признав и часть своей вины в происходящем?

Доверие – вот основа для добропорядочности, а оно начинается с матери, извините за прямолинейность... Элли, ты хотела что-то сказать.

– Я?... Да. Мне очень жаль, простите, такого больше не повторится!

– Видите, – снова обратился он к Анне, – она говорит перед вами, будто ещё с пелёнок не вылезла, хотя ей уже, наверно, лет четырнадцать-пятнадцать. А тебе, Элли, скажу, что нечего стыдиться узнавать о своей родословной, собственной семье. Но спросить всё-таки разрешения у меня или Поллин – моей жены – стоило. Это тебе на будущее. И перестань мучить совесть там, где она тебя за сердце и ведёт! Спасибо, чай был отменный. Если ещё свидимся, я захвачу с собой и чёрный чай – его больше предпочитаю. Благодарю за терпение, Анна, но мне нужно торопиться – работа не будет ждать.

Он быстро встал из-за стола, так же статно всем поклонился и семимильными шагами направился к выходу. Анна встревоженно засуетилась на стуле, в итоге вскочила и окликнула его:

– Мистер Крейг...

– Да, миссис Пёрк, – будто этого и ожидая, обернулся с прищуренной улыбкой Великан.

– Я... я хотела бы... ммм... попросить прощения за мою дочь. Вы уж извините нас, я попробую всё загладить. Такая неловкая ситуация вышла! Это, видимо, оттого, что мне, как вдове, тяжело одной управляться со всем, и у меня больна вторая дочь. Сами догадываетесь, как тяжело порой находиться наедине со своими дурными мыслями. Я понимаю, что они не должны быть видимы другим, но не всегда хватает сил всё сдерживать, не пустить наружу.

– Понимаю вас. Но не лучше ли разделить что бы то ни было с близкими? Быть может, это придаст новые силы. Об этом также не стоит забывать.

– Возможно, вы правы.

– Не думайте, что я хотел вас задеть или обидеть, меня вы тоже должны понять: чужой ребёнок в моём доме...

– Да-да, я понимаю. Так вот, не будете ли вы против принять моё приглашение к званому вечеру через неделю-две? Всё же, действительно, негоже начинать соседские отношения не с той руки, ведь вы с женой собираетесь обосноваться здесь надолго?

– Именно так. И мы с Полин почтём за честь принять ваше приглашение и обязательно посетим ваш званый семейный, как я понимаю, вечер.

– Да, круг будет узким. Но Элли замечательно владеет фортепьяно, а стихи великих классиков даже прислуга у меня декламирует не хуже столичных чтецов! Не беспокойтесь, скучно не будет!

– Я и не беспокоюсь, отнюдь. Семейная обстановка мне гораздо ближе светской мишуре. Всё же мне пора. Доброго всем вечера, леди!

Он снова повернулся по очереди ко всем; называя по имени, поклонился и вышел.

Опешила только Филиппа, которая сидела до сих пор с вытянутым в крендель лицом, не менявшимся последние минут десять. «Перечитавший кулинарных книг, невыспавшийся филин», – так, скорее всего, она описала бы саму себя в тот момент.

* * *

Для Элли ужин прошёл не менее напряжённо. Все молчали, видя, какое хмурое лицо у миссис Пёрк и боясь попасть под горячую руку. Сначала Анна сильнее сжимала желваки, затем столовые приборы – и в итоге не выдержала и задала

Элли словесную трёпку. Перебрала каждый случай в отдельности и повторяла одни и те же обвинения раз за разом, всё больше раздувая ситуацию: безответственность, подростковая несерьёзность, постоянное беспокойство и прочее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.